VYSLUŽIVŠIJSJ A OFICER", ILI VOJNA MONTROZA, ISTORIČESKIJ...

Walter Scott

NAZIONALE
BIBLIOTECA
CENTRALE V. E. II
GOGOL
A
5299 /1
ROMA

ВЫСЛУЖИВШІЙСЯ ОФИЦЕРЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ВЫСЛУЖИВШІЙСЯ
ОФИЦЕРЪ,

ИЛИ

ВОЙНА МОНТРОЗА,

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

Соч. Валтера Скотта,

Автора Шотландскихъ Пуританъ, Ровъ Роя, Эримвургской темницы и проч.

Переводъ съ Французскаго.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

Въ Типографіи П. Кузнецова.

1824.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Цензурной Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Москва, 1822 года, Марта 16 дня. Сію рукопись въ четырехъ частяхъ разсматривалъ Адъюнктъ, Надворный Совѣтникъ

Гаврило Мягковъ.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

ЖЕДЕДІЯ КЛЕЙСБОТАМЪ,

Читателямъ своимъ.

Здравствуйте,
Друзья Читатели!

Давно уже получилъ я склонность къ уединенію, и находя много для себя пріятностей въ неизвѣстности, не хочу добиваться тѣхъ почестей, какими сужденія Публики осыпаютъ

Авторовъ, моихъ современниковъ. Monstrari digito praetereuntium, никогда не было предметомъ моего честолюбія. Напротивъ, я люблю быть то.о тайною пружиною, которая приводитъ въ движеніе Полишинелля и его товарищей, и нахожу особенное удовольствіе въ томъ, что *сказки моего хозяина*, забавляя юношество, занимаютъ также и пожилыхъ людей; между тѣмъ какъ критики стараются открыть гдѣ, какъ и кѣмъ онѣ были сочинены, приписывая ихъ одному Автору, котораго

имя гораздо извѣстнѣе въ свѣтѣ.

Я увѣренъ, что еслибъ захотѣлъ послѣдовать за книгой своей въ великую Столицу трехъ Королевствъ, то въ продолженіи цѣлой зимы могъ бы произвести въ ней тотъ же шумъ, какой причиняетъ появленіе неизвѣстнаго животнаго, привезеннаго туда изъ чужихъ краевъ. Думаю даже, что не одна прекрасная дама стала бы расточать предо мною лестныя похвалы, чтобы имѣть честь показать меня въ кругу сво-

емъ, подобно тому, какъ даетъ кусокъ сахару своему попугаю, чтобъ заставить его болтать; но послѣ такихъ почестей, вѣроятно со мною то же случится, что случилось съ другомъ моимъ Дикомъ Тинто, о которомъ я намѣренъ, любезные читатели, нѣсколько минутъ съ вами побесѣдовать.

Дикъ Тинто почиталъ себя потомкомъ древней фамиліи изъ Графства Ланеркскаго, которая носила имя онаго, и давалъ иногда разумѣть, что унижалъ нѣсколько свое бла-

городное произхожденіе, доставая содержаніе посредствомъ кисти. Но какъ бы то ни было, а отецъ его, еще гораздо прежде его оное унизилъ, потому что былъ портнымъ въ бѣдной деревенькѣ Лангпрдума, и сынъ его Дикъ, къ великому своему прискорбію, воспитанъ былъ въ томъ же ремеслѣ; однакожъ ребенокъ владѣлъ крандашемъ и углемъ гораздо охотнѣе, нежели иглою, и въ то время, какъ отецъ снималъ мѣрки съ своихъ посѣтителей, онъ рисо-

валъ съ нихъ карикатуры на стѣнахъ лавки; почему Г. Тинто отецъ, видя, что таланты сына удаляли изъ рабочей его многихъ людей, которые совсѣмъ не заботились о томъ, чтобъ такимъ образомъ украшать стѣны оной, позволилъ ему наконецъ слѣдовать своей склонности, съ тѣмъ условіемъ; чтобъ онъ избралъ другое мѣсто для упражненія своего генія.

Въ то время не приняли еще хозяйственнаго обыкновенія выставлять надъ дверьми лавки или

магазина простыхъ надписей: *Маврови голова, коронованный орелъ* и проч., но надобно было непремѣнно, чтобъ разкрашенное изображеніе поражало взоры тѣхъ, которые не умѣли читать; и такимъ образомъ, естьли товарищи собратіи, питавшейся кистью, работая Sub jove frigido, иногда постились, то по крайней мѣрѣ не умирали съ голоду. Дикъ вступилъ подъ руководство одного артиста сего класса, и вскорѣ выучился малевать, не имѣвши еще понятія о рисованіи.

Слишкомъ продолжительно будетъ описывать различныя степени, чрезъ которыя Дикъ возвысился изъ низкаго званія маляра вывѣсокъ въ достоинство портретнаго живописца. Онъ объѣхалъ всю Великобританію, и наконецъ рѣшился основать мѣстопребываніе свое въ Лондонѣ, потому что надѣялся тутъ на покровительство нѣсколькихъ знатныхъ дамъ, съ которыхъ списывалъ портреты. Въ первую зиму ему посчастливилось; но во вторую, молодые сопер-

ники привели его въ забвеніе; предъ окончаніемъ же третей зимы — бѣднякъ умеръ въ больницѣ.

Во время путешествія своего по Шотландіи, онъ проѣзжалъ Гандерклугъ, и нашедши себѣ работу нѣсколькихъ портретовъ въ окрестностяхъ сего города, прожилъ около пяти или шести недѣль въ домѣ *моего хозяина*. Прочитавши нѣкоторыя изъ его повѣстей, которыхъ послѣ я сдѣлался издателемъ, онъ неотступно просилъ его отдать ихъ въ печать, обѣщаясь укра-

сить оныя виньетами и эстампами. И въ самомъ дѣлѣ Дикъ нарисовалъ эскизъ стараго сержанта инвалида, подписавъ внизу онаго имя *Ботвеля* изъ *Шотландскихъ Пуританъ*, а Гандерклугскій курантщикъ послужилъ бы ему моделью для старика *Давида Деанса* въ *Эдимбургской темницѣ*: но онъ уѣхалъ въ Лондонъ, не успѣвши исполнить сего предпріятія.

Похвалы, приписываемыя имъ сочиненіямъ моего хозяина, были однакожъ не безъ критики.

—,,Ваши дѣйствующія лица слишкомъ много говорятъ,“ сказалъ онъ ему въ одинъ вечеръ, — въ то время, какъ я, сидя подлѣ огня, курилъ трубку и осушалъ кружку пива; ,,ежеминутно принужденъ бываешь прочитывать цѣлыя страницы разговоровъ.

— ,,Одинъ древній Философъ,“ сказалъ я ему, имѣлъ пословицу: *говори, чтобъ я могъ понимать тебя,* ,,и такъ сочинитель не можетъ сдѣлать персонажей своихъ занимательнѣе для читателей, какъ заставляя ихъ говорить.“

— „Заключеніе сіе несправедливо," отвѣчалъ Тинто, „и я столько же займусь имъ, какъ пустою кружкою. Безъ сомнѣнія разговоръ не безполезенъ въ произведеніи человѣческихъ дѣлъ, но о Литтературѣ въ этомъ случаѣ то же можно сказать, что и о художествахъ. Помощь разговора не всегда нужна, чтобы оживотворить мысли, или произвесть сильное дѣйствіе надъ умомъ.—Естьли когда-нибудь повѣсти сіи будутъ напечатаны, то я сошлюсь въ томъ на

читателей. Они сами признаются, что въ двухъ строкахъ можнобъ было тутъ многое лучше изъяснить, чѣмъ въ цѣлыхъ страницахъ разговоровъ, и что можнобъ было точно срисовать положенія персонажей, главныя ихъ дѣйствія, даже обыкновенные случаи, и изобразить ихъ пристойными красками, не обременяя повѣствованія сими вѣчными: *сказалъ онъ* и *сказала она*, коими оно теперь преисполнено.“

—„Вы смѣшиваете произведенія кисти съ про-

изведеніями пера," возразилъ мой хозяинъ, —„живопись, сіе безмолвное искуство, какъ назвалъ его одинъ изъ нашихъ Поэтовъ, по неволѣ должна говорить взору, потому что не имѣетъ органовъ обратиться къ слуху. Напротивъ того Поэзія, такъ какъ и всѣ роды сочиненій ей подобныя, не могутъ быть сносны, естьли не нравятся уху, потому что лишены всѣхъ необходимыхъ средствъ для пораженія глазъ."

Тинто ни мало не убѣдился симъ доказатель-

ствомъ. — „Описаніе для Автора," сказалъ онъ, „есть то же, что абрисъ и тушовка для живописца. Выраженія служатъ ему вмѣсто красокъ, и естьли только онъ умѣетъ употреблять ихъ кстати, то непремѣнно представитъ душевному зрѣнію ту сцену, которую хочетъ изобразить, съ тако же истиною, какъ полотно представляетъ оную зрѣнію тѣлесному. И такъ въ обѣихъ искусствахъ можно руководствоваться одними правилами; а излишніе раз-

говоры въ романѣ дѣлаютъ его подобнымъ драммѣ, образъ сочиненія коей совершенно отличенъ, потому что разговоръ составляетъ въ ней главную сущность. ,,А такъ какъ,“ присовокупилъ онъ, обращаясь къ моему хозяину, ,,нѣтъ ничего скучнѣе длинныхъ монологовъ, написанныхъ по драмматическимъ правиламъ, то тѣ мѣста въ вашихъ повѣстяхъ, гдѣ вы ввели безконечные разговоры, — холодны и слишкомъ разтянуты: вы теряете въ нихъ средства привлечь

вниманіе; между тѣмъ какъ описанія, какія тутъ находятся, я признаюсь, довольно удачно вами сдѣланы.“

Хозяинъ мой сдѣлалъ ему поклонъ въ знакъ благодарности за комплиментъ, который клонился безъ сомнѣнія къ извиненію въ критикѣ, и сказалъ ему, что въ повѣсти, писанной имъ въ то время, (которую я скоро представлю моимъ читателямъ подъ заглавіемъ *Ламерморовой невѣсты*), онъ попробуетъ сдѣлать, чтобъ дѣйствующія

лица менѣе говорили, а болѣе дѣйствовали.

„Естьли вы такъ послушны,“ сказалъ Тивто, „то я дамъ вамъ предметъ для повѣсти, въ которой нашелъ сюжетъ для картины, и нарисовалъ уже эскизъ оной; я намѣренъ когда-нибудь написать картину сію на полотнѣ въ 14 футовъ длиною и въ 8 шириною.“

При сихъ словахъ онъ сталъ рыться въ своемъ портфелѣ, и показалъ намъ рисунокъ, представлявшій залу, которой меблировка показывала, что

сцена происходила въ началѣ семнадцатаго вѣка. Раненый воинъ, лежащій на постелѣ, бросалъ яростный взоръ на человѣка, одѣтаго въ платьѣ Монтаньяровъ и окровавленнаго, котораго четверо солдатъ только что положили на полъ; молодая дѣвица, изображенная близь постели, казалась колеблемою въ одно время радостью, горестью и удивленіемъ; молодой воинъ, поднявъ руки къ небу, возсылалъ къ оному благодарную молитву, а старый Маіоръ, наклонясь

надъ раненымъ Монтаньяромъ, казалось, принималъ его подъ свое покровительство.

Тинто показалъ намъ сей рисунокъ съ таинственнымъ и торжествующимъ видомъ; а самъ смотрѣлъ на оный, какъ отецъ, взирающій на любимое дитя свое и наслаждающійся мыслію о чести, которую оно пріобрѣтетъ ему нѣкогда въ свѣтѣ. Онъ держалъ его въ рукѣ, то приближая къ намъ, то удаляя, сколько длина руки позволяла. Наконецъ, поставивъ его

на комодъ, закрылъ нижнюю часть оконъ, чтобы свѣтъ ударялъ сверху, и помѣстивши насъ въ довольномъ разстояніи, приложилъ ко лбу своему руку, простерши ее горизонтально, чтобы изключительно устремить зрѣніе свое на сей единственный предметъ; потомъ, свернувши листъ бумаги на подобіе трубки, Дикъ подалъ его намъ, чтобы мы могли разсмотрѣть рисунокъ еще съ большимъ вниманіемъ.

Однако же восторгъ мой вѣроятно не такъ

сильно выражался, какъ бы Тинто того желалъ.— ,,Я думалъ, что у васъ есть глаза, Г. Клейсботамъ,“ сказалъ онъ мнѣ, ,,но надобно быть слѣпымъ, чтобъ не узнать съ перваго взгляда сюжета этого рисунка. Не хочу хвалить собственное свое произведеніе, но умоначертаніе, експрессія, позиціи... кажется все повѣствуетъ! Не надобно тутъ ни словъ, ни разговоровъ!“

—,,Я нахожу рисунокъ весьма хорошо сдѣланнымъ,“ сказалъ я, ,,но, чтобы почувствовать ис-

тинную ему цѣну, надобно знать напередъ содержаніе онаго."

—,,Это-то для меня и досадно," вскричалъ онъ: ,,вы такъ привыкли къ мѣлочнымъ подробностямъ, что разумъ вашъ сдѣлался неспособнымъ къ принятію внезапнаго, мгновеннаго убѣжденія, поражающаго подобно молніи, которое послѣ удачнаго и выразительнаго совокупленія единой сцены, заставляетъ васъ тотчасъ узнать не только прошедшую исторію персонажей, находящихся у

васъ предъ глазами, и предметъ дѣла, собравшаго ихъ вмѣстѣ; но подымаетъ еще завѣсу, коею покрыта будущность, и заставляетъ васъ догадываться также и о будущей ихъ участи."

— „Слѣдовательно живопись," сказалъ мой хозяинъ, „гораздо искуснѣе обезьяны славнаго Гинеса Пассамона, потому что сія послѣдняя вмѣшивалась только въ прошедшее и настоящее, а права живописи вы распространяете даже и на будущее время. Чтожъ до меня ка-

ѣается, то я заключаю по сему рисунку, что между дѣвушкою и молодымъ человѣкомъ есть любовная интрига. Другихъ же персонажей. . . "

—,,Въ самомъ дѣлѣ, другъ мой," вскричалъ Тинто, ,,соображенie у васъ весьма медленное; но я дамъ вамъ легчайшie способы къ удовольствiю понять мой рисунокъ, и тѣмъ доставлю новый предметъ для пера вашего. И такъ знайте, что прошедшею весною, списывая портретъ одного начальника Монтаньяровъ въ Граф-

ствѣ Аржиль, я жилъ двѣ недѣли въ арендѣ. Хозяйка оной, весьма уже пожилая, разсказала мнѣ повѣсть, составляющую предметъ сей картины, которую въ молодости слышала она нѣсколько разъ отъ своей матери. Повѣсть сія показалась мнѣ столь любопытною, что я пожелалъ имѣть объ ней воспоминаніе, и для того, набросавъ на бумагѣ главныя произшествія, нарисовалъ крандашелъ разные эскизы, изъ которыхъ выбралъ сей послѣдній. Естьли я отдѣ-

лаю его по предложенію своему, то онъ поставитъ имя Тинто превыше зависти и коварства.“

Тутъ онъ вынулъ изъ портфели множество листковъ, эскизовъ, пейзажей, каррикатуръ: все сіе имѣло отношеніе къ сказанной исторіи. По симъ-то матеріаламъ хозяинъ мой сочинилъ свою повѣсть. Но хотя онъ и вознамѣрился слѣдовать совѣту друга моего Тинто, и дать сочиненію своему оборотъ болѣе описательный, нежели драмматическій; однако же на-

туральная склонность и на сей разъ увлекла его, и вы можете быть не однажды замѣтить, что его дѣйствующія лица, подобно многимъ людямъ, встрѣчающимся въ свѣтѣ, часто говорятъ болѣе, нежели дѣйствуютъ.

ГЛАВА I.

„Le sabre en main debitant sa
leçon,
„Maint novateur se declare ortho-
doxe;
„Et reculant devant le droit canon,
„La vérité fait place au paradoxe."

Butter.

Происшествія, которыя мы хотимъ описывать, случились во время славной и кровопролитной междоусобной войны, раздиравшей Великобританію въ началѣ XVII вѣка. Шотландія не избы-

тала еще тогда ужасовъ и опустошеній гражданской войны, не взирая на то, что жители ея были различны въ политическихъ мнѣніяхъ, и что большое число оныхъ, наскучивъ повиновеніемъ жезлу Парламента сего Королевства, и негодуя на смѣлый поступокъ, какой сдѣлало сіе Правительство — пославши многочисленную армію на помощь Англійскому Парламенту, — рѣшилось воспользоваться первымъ случаемъ, чтобъ объявить себя на сторонѣ Короля, сдѣлавъ чрезъ сіе диверсію, которая могла заставить по крайней мѣрѣ возвратить назадъ Генерала Леслія и его ар-

мію, естьли не успѣетъ возстановить въ Шотландіи Королевской власти. Сей планъ сначала принятъ былъ Сѣвернымъ дворянствомъ, которое съ упорствомъ отказалось отъ вступленія въ торжественный заговоръ, названной *Конвентомъ*; а потомъ и большою частію начальниковъ колѣнъ или племянъ Шотландскихъ Монтаньяровъ, увѣренныхъ въ томъ, что поддержаніе собственной ихъ власти зависѣло отъ власти Королевской. Сверхъ того сіи начальники имѣли непримиримую ненависть къ обрядамъ Пресбитеріанской религіи, и находились въ томъ состояніи обща

ственной полудикости, въ коемъ война принимается всегда съ большимъ удовольствіемъ, нежели миръ.

Всѣ ожидали, что отъ сихъ различныхъ партій, составившихся почти въ одно и то же время, воспослѣдуютъ великія потрясенія, тѣмъ болѣе, что грабительства, доселѣ всегда производимыя Шотландскими Монтаньярами въ долинахъ, ихъ окружавшихъ, называемыхъ ими *Нижними землями*, приняли видъ порядка и, казалось, составляли часть всеобщей военной системы.

Главные правители дѣлъ видѣли опасности, пред-

вѣщаемыя расположенiемъ умовъ, и съ безпокойствомъ дѣлали нужныя приготовленiя, чтобы противостать бурѣ, имъ угрожавшей; однако же они съ удовольствiемъ примѣчали, что не явился еще ни одинъ изъ начальниковъ, носившiй имя довольно знаменитое для привлеченiя подъ знамена свои армiи Роялистовъ, или для соединенiя въ одинъ корпусъ сихъ разсѣянныхъ шаекъ, коимъ страсть къ грабежу внушала непрiятельскiя мѣры, можетъ быть болѣе, нежели политическiя мнѣнiя. И потому надѣялись, что, снабдивъ нижнiя земли достаточнымъ числомъ войскъ для охра-

ненія проходовъ между горъ, воздержать тѣмъ Шотландскихъ начальниковъ до того времени, пока войска разныхъ Сѣверныхъ Бароновъ, объявившихъ себя на сторонѣ Конвента, какъ то: Графа Марешаля и многочисленныхъ фамилій Форберовъ, Леслієвъ, Ирриновъ и Грантовъ, не поколеблятъ и не обуздаютъ Огилвієвъ, Ангуровъ, Кинкардиновъ и даже могущественную фамилію Гордоновъ, коихъ власть столько же была неограниченна, сколько непримирима ихъ ненависть противъ Пресбитеріанъ.

Господствующая сторона въ западныхъ горахъ,

т. е., сторона Пресбитеріанъ, имѣла много непріятелей; но недовольныхъ считали какъ бы укрощенными, а буйныхъ ихъ начальниковъ какъ бы приведенными въ робость, сильнымъ вліяніемъ Маркиза Аржиля, которому Шотландскій Парламентъ оказывалъ полную довѣренность, и коего власть, и безъ того уже непомѣрная, получила новое приращеніе отъ правъ, которыя были— такъ сказать — исторгнуты у Короля въ его пользу во время послѣдняго трактата. Не безъизвѣстно было, что Маркизъ Аржиль отличался болѣе политическими талантами,

нежели личною храбростію, и что онъ способнѣе былъ вести интригу между придворными, нежели сохранять порядокъ между Монтаньярами, дышущими враждою; но могущество его колѣна и воинственный духъ первѣйшихъ изъ начальниковъ, ему подвластныхъ, достаточно вознаграждали то, чего, казалось, не доставало въ главномъ начальникѣ. Сверхъ того Камебели (такъ называлось сіе колѣно), весьма унизили большую часть племянъ, бывшихъ съ ними въ сосѣдствѣ, и потому предполагали, что сіи послѣдніе долго будутъ размышлять, прежде нежели рѣшатся под-

вергнуть себя гнѣву столь страшныхъ непріятелей.

Шотландскій Парламентъ, видя власть свою утвержденною какъ въ Западныхъ, такъ и въ Южныхъ Провинціяхъ сего Королевства, (которыя неоспоримо составляютъ богатѣйшую часть онаго), будучи также совершеннымъ обладателемъ Графства Фифскаго, и имѣя многочисленныхъ и сильныхъ друзей даже на Сѣверной сторонѣ Форта и Тая, не почиталъ опасность столь близкою, чтобъ перемѣнить ходъ дѣлъ, начертанный его политикою, и потому ни мало не думалъ возвра-

щать вспомогательную армію, состоявшую изъ двадцати тысячь человѣкъ, посланную имъ на помощь собратіямъ своимъ, членамъ Англійскаго Парламента. Сей же послѣдній, (т. е. Англійскій Парламентъ), сдѣлавшись чрезъ то сильнѣе, принудилъ Роялистовъ принять оборонительныя мѣры въ такое время, когда они, полагаясь на прежніе успѣхи, почитали торжество свое вѣрнымъ.

Причины, заставившія Шотландскій Парламентъ принять столь дѣятельное и поспѣшное участіе въ гражданскихъ несогласіяхъ Англіи, подробно изчисле-

ны въ нашихъ историкахъ; но впрочемъ не безполезно будетъ привести ихъ въ короткихъ словахъ и здѣсь. Король не подалъ ни малѣйшаго повода къ жалобѣ, ибо вмѣсто того, чтобъ притѣснять Шотландскихъ своихъ подданныхъ, онъ точно исполнилъ всѣ мирныя условія, какія были заключены между имъ и симъ народомъ; но господствующая сторона знала, что единственно сила оружія и вліяніе Англійскаго Парламента принудили Короля Карла подписать мирный трактатъ. Правда, что послѣ заключенія онаго сей Монархъ посѣщилъ столицу прежняго

своего Королевства; — согласился на преобразованіе Пресбитеріанской церкви, и осыпалъ почестями и награжденіями тѣхъ изъ начальниковъ, которые наиболѣе сопротивлялись его выгодамъ; но Парламентъ подозрѣвалъ Короля въ намѣреніи обратно отнять всѣ сіи милости, оказанныя имъ противъ воли, лишь только случай къ тому представится. Съ безпокойствомъ примѣчали также уменьшеніе власти Англійскаго Парламента, и предвидѣли, что естьли Король Карлъ восторжествуетъ силою оружія надъ Англійскими инсургентами: то, не теряя времени, под-

вергнетъ Шотландію тому наказанію, какого заслужили подавшіе примѣръ къ поднятію противъ его оружія.

Таковы были политическія причины, заставившія послать въ Англію вспомогательное войско; онѣ объявлены въ манифестѣ, который изъясняетъ также и то, для чего Парламенту сего Королевства подаваема была помощь, столь необходимая и весьма кстати подоспѣвшая. „Англинскій Парламентъ, сказано „было тамъ, уже оказавшій Шотландіи важныя „услуги, могъ и впредь оказать оныя; между тѣмъ

„какъ Король, хотя и воз-
„становилъ религію соглас-
„но съ нашимъ желаніемъ,
„но никогда не поступалъ
„такъ, чтобъ можно было
„положиться на искренность
„его прокламацій, потому
„что обѣщанія и поступ-
„ки его никогда между
„собою не согласовались...
„Наша совѣсть, сказано бы-
„ло въ заключеніи, и Богъ,
„Который превыше нашей
„совѣсти, принуждаютъ
„насъ объявить, что един-
„ственная цѣль, къ кото-
„рой стремимся — есть сла-
„ва религіи, миръ обѣихъ
„Королевствъ и честь са-
„маго Монарха. Для чего
„мы и стараемся законны-
„ми средствами низверг-

,,нуть власть, и примѣрно
,,наказать возмутителей
,,Израиля, адскихъ зажига-
,,телей, Кореевъ, Дафа-
,,новъ, Валаамовъ и Дое-
,,говъ нашего вѣка. Испол-
,,нивши сей долгъ правосу-
,,дія, мы удовольствуемся.
,,Впрочемъ мы тогда толь-
,,ко рѣшились послать въ
,,Англію войско, когда все-
,,возможныя средства, нами
,,предпринятыя, остались
,,безполезны. Мѣры сіи произ-
,,ведутъ, какъ кажется, ща-
,,стливыя послѣдствія, ка-
,,кія обѣщаетъ намъ наше
,,благочестіе: намъ не ос-
,,тавалось другихъ; это
,,было единственное и по-
,,слѣднѣе лѣкарство отъ

„всѣхъ болѣзней, ultimum et „unicum remedium.“

Пусть Казуисты рѣшать вопросъ: извинительно ли договаривающейся сторонѣ разорвать торжественный трактатъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что она подозрѣваетъ другую въ намѣреніи поступить нѣкогда противъ онаго, естьли такой-то и такой случай представятся; а мы станемъ лучше расуждать о другихъ двухъ случаяхъ, имѣвшихъ столько же влiянiя на умы Парламента и народа Шотландскаго, сколько и всѣ подозрѣнiя, какiя имѣли на щетъ искренности Короля.

Во первыхъ, состояніе и образованіе Шотландской арміи. Главные начальники оной были бѣдные и недовольные дворяне, а офицеры, по большой части выслужившіеся солдаты, сражавшіеся нѣкогда въ Германіи, которые потеряли даже и мысль о политическихъ мнѣніяхъ, и не имѣли болѣе никакого отечества. Они думали, что ихъ наемническая присяга состояла въ томъ, чтобъ быть вѣрнымъ тому Государю или Правленію, которое содержало ихъ на жалованьѣ, ни мало не заботясь о справедливости той стороны, за которую сражались, и не помышляя о связяхъ;

какія могли имѣть съ противною стороною. О подобныхъ-то людяхъ Гроціусъ выражается съ должною строгостію: Nullum vitae genus est improbius, quàm eorum qui, sine causae respectu, mercede conducti militant. Сіи корыстолюбивые воины и неимущіе дворяне, раздѣлявшіе съ ними начальство, и безъ труда принимавшіе тѣ же мнѣнія, не позабыли успѣховъ, полученныхъ ими въ Англіи въ краткое возмущеніе, бывшее въ 1641 году; и сіе было достаточнымъ для нихъ предлогомъ, чтобъ желать и вторично попробо-

вать тамъ своего щастія. Выгодное жалованье, какое получали они въ Англіи, и своевольство, въ которомъ тамъ жили, запечатлѣлись въ умахъ сихъ бродягъ; а надежда опять пользоваться такими же преимуществами не позволяла имъ внимать никакимъ доказательствамъ, противуполагаемымъ имъ политикою, нравственностію и человѣчествомъ.

Но естьли видъ богатствъ Англіи былъ приманкою для солдатъ, то другая причина не менѣе способствовала къ воспламенѣнію духа цѣлой націи. Столько было говорено и писано съ

той и съ другой стороны о наружныхъ формахъ правленія и церкви, что предметы сіи въ глазахъ черни сдѣлались важнѣе, нежели Евангельское ученіе, которое исповѣдывали обѣ стороны. Какъ между Пресбитеріанами, такъ и между тѣми, кои имѣли Епископовъ, самые буйные умы съ трудомъ допускали возможность спасенія для тѣхъ, которые не раздѣляли духовныхъ ихъ мнѣній. Тщетно представляли симъ фанатикамъ, что естьли бъ Божественный Творецъ нашей религіи восхотѣлъ, чтобъ особенный образъ правленія церкви былъ необходимъ для спасенія на-

шего, то явилъ бы намъ сіе съ такою же точностію, какъ и другіе предметы, коихъ познаніе для насъ необходимо; однако же, не внимая ничему, обѣ стороны продолжали ссориться съ такою яростію, какъ будто бы отъ самаго неба предписанъ имъ былъ законъ нетерпимости.

Лодъ во дни правленія своего возжегъ пожаръ, желая принудить Шотландцевъ къ принятію церковныхъ обрядовъ, противныхъ ихъ мнѣніямъ и обычаямъ. Успѣхъ, съ какимъ ему сопротивлялись, и торжество Пресбитеріанской церкви сдѣлали еще болѣе

драгоцѣнными для народа обряды сего исповѣданія, и отъ того причина сія сдѣлалась національною. Торжественный союзъ, коему дали имя Конвента, быстро разлился по всему пространству Королевства: одни вступили въ оный изъ усердія; другіе же, будучи, такъ сказать, принуждены къ тому остріемъ меча. Главнымъ предметомъ сего союза было возстановленіе ученія и дисциплины Пресбитеріанской церкви, и уничтоженіе всего того, что оная называла заблужденіемъ и ересью. Возжегши въ отечествѣ своемъ такъ называемый ими *свѣтильникъ благодати*, Шот-

ландцы въ пламенной и бѣшеной своей ревности хотѣли распространить свѣтъ онаго даже и въ Англіи. Почему думали, что лучшее средство къ успѣху состояло въ томъ, чтобъ доставить Парламенту сего Королевства Шотландскую армію. Пресбитеріане составляли многочисленную часть Англійскаго Парламента; они умышляли тогда возмущеніе, которое воспослѣдовало потомъ противъ Короля, между тѣмъ какъ независимые и послѣдователи другихъ сектъ, которые завладѣли потомъ властію правосудія при Кромвелѣ, и уничтожили Пресбитеріанскую церковь

въ Англіи и въ Шотландіи, принуждены были еще скрываться подъ знаменами господствующей стороны, коей богатство и кредитъ ихъ помрачали.— И такимъ образомъ предполагаемая возможность возстановить въ сихъ двухъ Королевствахъ единообразіе въ исповѣданіи и правленіи, казалась Шотландцамъ столь вѣроятною, сколько они того желали.

Славный Сиръ Генрихъ Ванъ, одинъ изъ тѣхъ чиновниковъ, которые трактовали о мирѣ между Англіею и Шотландіею, видѣлъ, сколько приманка сія будетъ имѣть силы надъ

умами Шотландцевъ, и хотя самъ былъ бѣшеный республиканецъ, однако же нашелъ средство въ одно время удовлетворить и обмануть пылкую ревность Пресбитеріанъ, величая обязанность сдѣлать реформу въ Англійской церкви „перемѣною, долженствующею „произойти по слову Божію и обрядамъ богослуженія преобразованныхъ „церквей." Обманутые самою пылкостію своихъ желаній, не сомнѣваясь въ томъ, чтобъ возстановленіе ихъ секты не было священнымъ правомъ, и не вѣря, чтобъ другіе могли сомнѣваться въ справедливости сего: начальники Парла-

мента и Шотландской церкви вообразили себѣ, что такія выраженія могли относиться только къ Пресбитеріанамъ. Они были разувѣрены въ томъ тогда только, когда послѣдователи другихъ сектъ, не имѣя болѣе нужды въ ихъ помощи, вразумили ихъ, что слова сіи можно было относить и къ другимъ обрядамъ богослуженія, нежели какія отправляли главные правители дѣлъ, почитая ихъ сходными *съ словомъ Божіимъ и обрядами богослуженія преобразованныхъ церквей.* Предпріятіе ихъ состояло въ томъ, чтобъ заключить власть Короля въ тѣсныхъ границахъ, а

не уничтожить оную; но какъ они удивились, когда увидѣли, что Англичане намѣрены были разрушить монархическую конституцію Великобританіи. Однако же поздно уже было исправить зло, ими содѣланное. Въ семъ случаѣ они поступили какъ безразсудный врачь, который сильными лѣкарствами доводитъ больнаго до такого истощенія, что потомъ уже не находитъ дѣйствительнаго средства для возвращенія ему силъ.

Но сіи произшествія были покрыты тогда завѣсою будущности. Въ то время, о которомъ мы го-

воримъ, Шотландскій Парламентъ думалъ, что связи его съ Англійскимъ основаны были на справедливости, благоразуміи и религіи, и потому Шотландская армія исполнила въ Англіи все то, чего отъ нее ожидали. Соединясь съ войсками Ферракса и Мангестера, она привела силы Парламента въ состояніе осадить городъ Йоркъ и дать кровопролитное сраженіе при Лонгъ-Марстонъ-Моорѣ, гдѣ побѣда столь сильно была оспориваема, но которое кончилось наконецъ разбитіемъ Принца Руперта и Маркиза Невкастля; однако же побѣда сія не столько была слав-

на для Шотландскихъ вспомогательныхъ войскъ, сколько желали того ихъ соотечественники. Давидъ Леслій, предводительствовавшій конницею, храбро сражался, и раздѣлялъ честь дня сего съ бригадою независимыхъ Кромвеля; но нестарый Графъ Левенъ, Генералъ союза Конвента, былъ далеко отраженъ съ поля битвы стремительнымъ нападеніемъ Принца Руперта, и находился уже за тридцать миль отъ онаго— въ бѣгствѣ къ Шотландіи, когда услышалъ, что армія, коей составлялъ часть, одержала совершенную побѣду.

Отсутствіе войскъ, заня-

тыхъ симъ Крестовымъ походомъ для возстановленія Пресбитеріанской церкви въ Англіи, весьма уменьшило власть Шотландскаго Парламента, и привело (какъ мы сказали въ началѣ сей главы)., въ движеніе партію Роялистовъ.

ГЛАВА II.

„Une armure d'airain qui servit à
son pére
„Fut le premier berceau que lui
choisit sa mère:
„Casques, cimiers, cuissards, bras-
sards et gantelets
„De ses plus jeunes ans furent les
seuls jouets."

Hall.

Предъ окончаніемъ одно-
го лѣтняго вечера — въ шу
эпоху, о которой мы го-
ворили, одинъ молодой че-
ловѣкъ знашнаго происхож-

денія путешествовалъ верхомъ, хорошо вооруженный, въ сопровожденіи двухъ слугъ своихъ, изъ коихъ одинъ велъ вьючную лошадь и медленно въѣзжалъ на одинъ изъ тѣхъ крутыхъ дефилѣевъ, чрезъ которыя можно проѣхать изъ нижнихъ земель Графства Пертскаго въ страну Монтаньяровъ. Нѣсколько времени слѣдовалъ онъ по берегу озера, котораго глубокія воды отражали пурпуровые лучи заходящаго солнца. Неровная и дурная дорога въ нѣкоторыхъ мѣстахъ осѣняема была березами и столѣтними дубами, въ другихъ же огромными скалами, грозившими обрушиться. Нѣсколь-

ко далѣе отъ сего мѣста пригорокъ, составляющій Сѣверный берегъ прекраснаго озера, становился не столько крутъ и покрытъ былъ верескомъ, коего цвѣты блистали яркимъ пурпуромъ. Въ нынѣшнее время такой прекрасный видъ былъ бы весьма пріятенъ для взоровъ путешественника; но во времена междоусобія и опасностей весьма мало обращали вниманія даже на самыя прелестныя окрестности.

Молодой человѣкъ ѣхалъ рядомъ съ однимъ изъ слугъ своихъ, когда дозволяла то узкая тропинка, и, казалось, весьма дружески съ нимъ

разговаривалъ; безъ сомнѣнія потому, что различіе состояній легко забываетъся между людьми, раздѣляющими одинакія опасности. Расположеніе главнѣйшихъ начальниковъ, жившихъ въ сей дикой странѣ, и возможность, что они примутъ участіе въ политическихъ раздорахъ, которыхъ ожидали, были предметомъ разговора.

Они находились еще на берегу озера, и молодой господинъ показывалъ слугамъ своимъ то мѣсто, гдѣ дорога, по которой они должны были ѣхать, склонялась къ Сѣверу въ сторону отъ береговъ озера и вела на гору черезъ глубокій ровъ,

какъ вдругъ примѣтили всадника, слѣдовавшаго также по берегу озера, но только съ противоположной стороны. Лучи солнечные, отсвѣчиваясь на шишакѣ его и латахъ, показывали, что онъ съ ногъ до головы былъ вооруженъ. Наши путешественники почли не безполезнымъ для себя сдѣлать ему нѣсколько вопросовъ.

—„Намъ надобно узнать, кто этотъ человѣкъ и куда онъ ѣдетъ," сказалъ молодой господинъ, понуждая свою лошадь, и поѣхалъ столь скоро, сколько позволяла дурная дорога. Слуги послѣдовали его примѣру, и они вскорѣ приближились къ тому мѣсту, гдѣ большая

дорога вдоль озера пересѣкавшаяся тою, по которой они должны были ѣхать послѣ. Такимъ образомъ незнакомецъ не могъ миновать ихъ, пустившись по сему послѣднему пути.

Увидѣвши трехъ всадниковъ, незнакомецъ поѣхалъ скорѣе; но когда замѣтилъ, что они, ѣхавши поспѣшно, вдругъ остановились, и ставши рядомъ, заняли всю дорогу, то поудержалъ свою лошадь, и продолжалъ путь съ видомъ, показывавшимъ не боязнь, а осторожность. Тогда обѣ стороны имѣли время разсмотрѣть другъ друга.

Рыцарь ѣхалъ на прекрасной лошади, которая ка-

залась весьма способною къ перенесенію военныхъ трудовъ, и тяжесть, которую везла на себѣ, казалось ни мало ее не утомляла; онъ твердо держался въ сѣдлѣ, что доказывало сколь давнюю сдѣлалъ къ оному привычку. На головѣ имѣлъ блестящій шлемъ съ развѣвающимися перьями, а броня, которой пуля съ переди не могла пробивать, но съ зади бывшая нѣсколько тонѣе, надѣта была сверьхъ колета изъ лосинной кожи, съ стальными рукавицами, доходившими до самаго локтя, которые подобно всему его вооруженію, были сдѣланы изъ полированной и блестящей стали. На пе-

реди сѣдла висѣли пистолеты необыкновенной величины, бывшіе почти въ два фута длиною: они заряжались пулями, коихъ только двадцать находится въ фунтѣ. На кожаной портупеѣ съ широкою серебряною пряжкою, съ одной стороны висѣла сабля съ крѣпкою рукояткою, коей клинокъ отпущенный съ обѣихъ сторонъ и съ острымъ концемъ, могъ въ одно время рубить и колоть; съ другой же охотничій ножъ по крайней мѣрѣ вершковъ въ восьмнадцать длиною На одной перевязи черезъ плечо висѣлъ на спинѣ карабинъ, на другой же бывшей на крестъ

съ первою, укрѣпленъ былъ патронташъ въ коемъ находились его снаряды. Наконецъ лядвїи его покрыты были стальными листами, называемыми набедренниками, которыя соединялись съ огромными его ботфортами. Таковъ-то былъ въ сїю эпоху полный снарядъ хорошо вооруженнаго рыцаря!

Видъ незнакомца весьма соотвѣтствовалъ военному его убору, къ которому казалось онъ давно привыкъ. Онъ былъ высокаго роста и довольно силенъ, чтобъ удобно сносить тяжесть наступательныхъ и оборонительныхъ своихъ оружїй.

Казалось, что ему было лѣтъ сорокъ съ небольшимъ, и вся наружность его показывала заслуженнаго храбраго воина, совершившаго не одну компанію и получившаго не одну рану. Онъ остановился шаговъ за шестдесятъ, приподнялся на стремянахъ, какъ бы желая разсмотрѣть людей, хотѣвшихъ по видимому на него напасть; и взялъ подъ правую руку карабинъ, чтобъ быть готовымъ выстрѣлить изъ онаго въ случаѣ нужды. Но за исключеніемъ числа, онъ имѣлъ очевидное преимущество надъ всадниками, которыхъ разсматривалъ.

Однако же и начальникъ

сихъ послѣднихъ, былъ-так-
же хорошо вооруженъ. Онъ
одѣтъ былъ въ платье изъ
замши, богато вышитое; что
въ то время почиталось во-
еннымъ вицъ мундиромъ; но
слуги его были въ толстой
шерстяной одеждѣ, которая
не могла служить защитою
противъ острея сабли въ
рукѣ сильнаго человѣка. При-
томъ же у нихъ не было
другихъ оружій, кромѣ са-
бель и пистолетовъ, безъ
коихъ въ сіе смутное время
рѣдко кто отваживался вы-
ходить изъ дому.

Они смотрѣли другъ на
друга нѣсколько времени,
но наконецъ тотъ молодой
человѣкъ, котораго мы пре-
жде всѣхъ представили на-

шимъ читателямъ, сдѣлалъ незнакомцу вопросъ, бывшій тогда въ обыкновеніи, особенно въ подобныхъ случаяхъ.

„Къ которой сторонѣ вы принадлежите?“

„Скажите мнѣ сначала, на чьей вы сторонѣ,“ отвѣчалъ рыцарь, „тотъ, кто сильнѣе, всегда прежде изъясняется?“

—„Мы сражаемся за Бога и за Короля Карла! Теперь вы знаете, какой мы партіи; скажите жъ намъ, къ какой сами принадлежите?“

—„Я сражаюсь за Бога,

подъ собственнымъ своимъ знаменемъ."

—„Но подъ какимъ же знаменемъ? Королевскимъ ли или Парламентскимъ? Кто вы, кавалеръ или круглоголовый (*)?"

—„По чести, государь мой, я не хочу лгать, потому что это не прилично солдату, но, чтобъ отвѣчать на во-

---

(*) Кавалерами назывались державшие сторону Короля, а Пресбитеріане въ насмѣшку называемы были круглоголовыми. Въ послѣдствіи сего романа читатель увидитъ, что подало къ тому поводъ.

Прим. Перевод.

просъ вашъ справедливо, то напередъ мнѣ самому надобно узнать, къ которой изъ партій, владычествующихъ въ семъ Королевствѣ, буду я наконецъ принадлежать, потому что въ разсужденіи сего я не совсѣмъ еще рѣшился."

—„Я думаю," сказалъ молодой человѣкъ, „что когда дѣло идетъ о религіи и чести: то всякой дворянинъ и благородный человѣкъ въ одну минуту можетъ рѣшиться, которую принять сторону."

—„Если вы говорите это, сомнѣваясь въ благородномъ моемъ происхожденіи и че-

сти, то я готовъ доказать вамъ и то и другое, сразавшись одинъ противъ васъ троихъ; но если это ничто иное, какъ умозрительное логическое разсужденіе: то скажу вамъ, что я самъ въ молодости учился логикѣ въ школѣ Марешаля въ Абердени, и потому *логически* могу доказать вамъ, что мое намѣреніе помедлить нѣсколько времени, прежде вступленія въ службу той или другой стороны, основано на правилахъ, которыя приличны не только всякому дворянину и благородному человѣку; но также и такому, который имѣетъ разумъ и мудрость; который въ молодости учился

словеснымъ наукамъ, и потомъ служилъ подъ знаменами Сѣвернаго льва, непобѣдимаго Густава, и другихъ знаменитыхъ полководцевъ разныхъ исповѣданій, какъ-то: Лютеранъ, кальвинистовъ, католиковъ и даже Армянъ."

Поговоривъ нѣсколько времени съ однимъ изъ слугъ своихъ, молодой человѣкъ обратился къ рыцарю и сказалъ ему: „государь мой, я желалъ бы подолѣе поговорить съ вами о семъ любопытномъ предметѣ и весьма бы радъ былъ, еслибъ удалось мнѣ склонить васъ на ту сторону, къ которой самъ принадлежу. Я ѣду те-

перь къ одному другу, который живетъ отсюда только за три мили; ежели вамъ угодно будетъ сдѣлать мнѣ компанію, то можете найти тамъ хорошій ночлегъ до завтрашняго дня, а потомъ будете свободны продолжать путь вашъ, если не рѣшитесь соединиться съ нами.“

—„А кто мнѣ въ томъ поручится?“ спросилъ осторожный рыцарь; „всякой долженъ узнать напередъ, съ кѣмъ условливается, чтобъ не попасть въ засаду.“

—„Я Графъ Ментеитъ,“ отвѣчалъ молодой человѣкъ;

„надѣюсь, что честнаго моего слова для васъ будетъ довольно."

—„Безъ сомнѣнія," возразилъ рыцарь, „мнѣ извѣстно это имя: и тотъ, кто имъ называется, не можетъ не сдержать своего слова!" Тутъ онъ закинулъ назадъ карабинъ свой, поклонился молодому Графу по военному, и подъѣхавъ ближе, сказалъ: „я также льщу себя надеждою, что вы не пренебрежете и моимъ обѣщаніемъ быть Вашему Сіятельству buen camarada въ мирное и въ военное время, когда буду имѣть честь вмѣстѣ съ вами находиться. Особенно въ теперешнія

междоусобныя войны весьма справедливо говорятъ, что голова гораздо безопаснѣе подъ мѣднымъ шлемомъ, нежели въ мраморномъ дворцѣ."

—„Могу васъ увѣрить, что, судя по наружности, весьма много уважаю ваше обѣщаніе, но надѣюсь впрочемъ, что не будемъ имѣть нужды доказывать на опытѣ нашу храбрость, потому что ѣду я съ вами къ одному изъ друзей своихъ, гдѣ вы будете имѣть весьма хорошій ночлегъ."

—„Хорошій ночлегъ, Милордъ, всегда пріятенъ, и я ничего на свѣтѣ оному не

предпочту, кромѣ хорошаго жалованья, или хорошей добычи; не говорю однако же о чести солдата и объ обязанностяхъ службы. . . А сказать вамъ по истинѣ, ваше благосклонное предложенiе очень кстати; ибо ни я, ни бѣдный товарищь мой," сказалъ онъ, потрепавъ свою лошадь, „совсѣмъ не знали бы, гдѣ найти пристанище."

—„Могу ли спросить васъ теперь" сказалъ Лордъ Ментейтъ: „кому имѣю удовольствiе служить квартермистромъ?"

—„Конечно, Милордъ, вы имѣете на то полное право. Я называюсь Далжет-

ти, Дюгальдъ Далжетти, Ротмистръ Дюгальдъ Далжетти Друмтваккетъ, готовый къ вашимъ услугамъ и приказаніямъ. О семъ имени нѣсколько разъ упоминается въ журналѣ Галло-Белгскомъ, Шведскихъ газетахъ и Лейпцигскомъ Меркуріи. Отецъ мой, Милордъ, я самъ не понимаю, какимъ образомъ промоталъ довольно значительное имѣніе; и потому мнѣ нечего было дѣлать болѣе, какъ отправиться на 18 году возраста въ Германію на войну, съ науками, которыя я пріобрѣлъ въ школѣ Марешаля въ Абердене, благородствомъ и именемъ Друмтваккета, и въ добавокъ съ

парою рукъ и ногъ, весьма здоровыхъ и способныхъ къ тому, чтобъ стараться выслуживаться тамъ въ званіи сержанта. И въ самомъ дѣлѣ, Милордъ, руки и ноги были для меня гораздо полезнѣе, нежели знатное мое произхожденіе и познаніе наукъ. Я служилъ простымъ копейщикомъ подъ начальствомъ стараго Сира Людовика Леслія, и тамъ такъ хорошо научился правиламъ службы, что мнѣ трудно будетъ и позабыть ихъ. Повѣрите ли, что однажды онъ заставилъ меня простоять на часахъ у воротъ дворца цѣлыхъ восемь часовъ сряду, съ самаго полудня до восьми часовъ вече-

ра; въ полномъ вооруженіи, съ ногъ до головы покрытаго желѣзомъ, во время жестокой стужи, когда ледъ былъ столь же крѣпокъ, какъ сталь; единственно за то, что я разговаривалъ съ хозяйкою въ то время, какъ должно было идти на перекличку."

— „Претерпѣвши въ этотъ день такой холодъ, послѣ безъ сомнѣнія вы видали и жаркія дни?"

— „Конечно, Милордъ, но не мнѣ слѣдуетъ говорить о томъ. Я былъ на Лейпцигской и Люценской баталіяхъ, и могу похваляться, что видалъ пра-

вильныя сраженія; будучи же очевидцемъ взятія Спангейма, Франкфурта, Ниремберга и другихъ мѣстъ, могу сказать, что имѣю понятіе объ осадахъ и приступахъ!"

—„Но безъ сомнѣнія за свои заслуги и опытность, вы производимы были въ чины?"

—„Медлѣнно Милордъ! чортъ знаетъ какъ медлѣнно; но такъ какъ наши сограждане, отцы воины, которые набрали сіи храбрые полки Шотландцевъ, бывшіе ужасомъ Германіи, падали на поляхъ сраженій въ такомъ множествѣ, какъ

мухи въ концѣ осени: то мы будучи такъ сказать дѣтьми ихъ, получали послѣ нихъ наслѣдство. Шесть лѣтъ былъ я, Милордъ, первымъ солдатомъ во всемъ полку, три года ефрейторомъ, но наконецъ меня произвели Fahnendrager, т. е. Прапорщикомъ, въ Черно - конномъ полку Королевской Гвардіи, а потомъ уже въ чинъ Поручика и Ротмистра при непобѣдимомъ Монархѣ, защитникѣ Протестантской вѣры, Сѣверномъ львѣ, ужасѣ Австріи, побѣдоносномъ Густавѣ."

—„По словамъ вашимъ я заключаю Г. Капитанъ....

Кажется чинъ сей соотвѣтствуетъ чину Ротмистра?„

—„Точно такъ," отвѣчалъ Далжетти, „этотъ чинъ одинъ и тотъ же, Ротмистръ собственно значитъ начальникъ шеренги."

—„Я хотѣлъ сказать вамъ," прервалъ Графъ, „что по словамъ вашимъ заключая, вы оставили службу сего Государя?"

—„Послѣ его смерти Милордъ, не прежде, какъ послѣ его смерти, когда ничто меня болѣе тамъ не удерживало. Въ службѣ его были такіе случаи, которыхъ благородной человѣкъ

почти не могъ сносить: на примѣръ жалованье выдавали весьма скупо; Ротмистру назначено было не болѣе шестидесяти долларовъ — въ мѣсяцъ, но и изъ тѣхъ великій Густавъ платилъ не болѣе третей части, которую выдавали намъ подъ видомъ ссуды; хотя разсуждая по справедливости, онъ самъ занималъ сіи двѣ трети, коими оставался долженъ своимъ солдатамъ. Нѣкоторые изъ Голландскихъ и Голштинскихъ полковъ, взбунтовались даже на полѣ сраженія, и стали кричать Gelt! Gelt! изъявляя симъ желаніе свое прежде получить жалованье, а потомъ уже

итти жертвовать жизнію; не такъ какъ храбрые наши Шотландцы, которые, какъ вамъ извѣстно, Милордъ, всегда предпочитали честь подлой корысти.“

— „Но вѣрно деньги сіи послѣ были заплачены солдатамъ?“

— „По чистой совѣсти могу сказать Милордъ, что ни въ какое время и никакимъ способомъ не льзя было получить изъ сего числа ни одного крейцера. Никогда не было у меня и дватцати долларовъ въ карманѣ, во все время службы моей у непобѣдимаго Густава; развѣ только пос-

лѣ какой нибудь побѣды, во время разграбленія города, или требованія сдачи какого нибудь маленькаго городка или деревни; въ такихъ случаяхъ офицеръ знающій права войны, рѣдко пропуститъ случай понагрѣть руки.“

—„Теперь я не столько удивляюсь тому, что вы оставили Шведскую службу, сколько тому, что вы такъ долго тамъ служили!“

—„Я потому только рѣшился на это, Милордъ, что сей великій полководецъ, сей знаменитый монархъ, Ахиллъ нашего вѣка, имѣлъ такой отлич-

ный талантъ выигрывать баталіи, брать города, завоевывать страны и налагать подати, что служить у него весьма было лестно для всѣхъ храбрыхъ офицеровъ, посвятившихъ себя благородному военному званію. На примѣръ: я былъ Комендантомъ въ городѣ Дюнкельшпилѣ на нижнемъ Рейнѣ, жилъ тамъ во дворцѣ Ландсграфа и пилъ съ моими товарищами лучшія его вина; дѣлалъ розыски, налагалъ подати, и не пропускалъ тутъ случая понабивать свои карманы, подобно хорошему повару, приготовляющему обѣдъ для господина своего, который всегда отвѣдываетъ

кушанья. Но я лишился сего блаженнаго состоянія, когда сей великій Государь, палъ во время Люценской баталіи, будучи пораженъ тремя пулями! такимъ образомъ видя, что щастіе перемѣнилось, а жалованье наше продолжали занимать безъ отдачи, какъ я уже вамъ сказалъ! и не имѣя въ виду болѣе ни налоговъ, ни розысковъ, я вышелъ въ отставку и вступилъ въ службу Австріи, къ Валленштейну, въ Ирландскій полкъ Валтера Бутлера."

— „Позвольте спросить, сказалъ Лордъ Ментеитъ, который казалось принималъ большое участіе въ

приключеніяхъ сего выслужившагося солдата: нашли ли вы какіе нибудь выгоды при такой перемѣнѣ начальника?"

— „И такъ и сякъ," отвѣчалъ капитанъ, „не могу сказать, чтобъ Императоръ платилъ лучше великаго Густава. Чтожъ касается до хорошей поживки: то въ этомъ не было не достатка; часто я принужденъ былъ сталкиваться съ старыми своими знакомыми, Шведскими перьями, такъ я по своему называю двуконечныя колья, у коихъ съ каждаго конца насажено острое железо. Они втыкаются предъ копѣй-

щиками, для обороны ихъ противъ атаки конницы. Сіи Шведскія перья будучи пріятны для глазъ, тѣмъ, что походятъ на небольшія кустарники, между тѣмъ какъ грозныя копья, устроенные рядами позади ихъ, подобны дубамъ и соснамъ, не такъ однако же мягки для осязанія, какъ гусиныя перья на птичьемъ дворѣ! однакожъ какъ бы то ни было, не взирая на частыя толчки, и долгую не выдачу жалованья, офицеру все таки сносно въ Императорской службѣ; потому, что тутъ не такъ пристально смотрятъ какъ въ Швеціи, за разными мѣлочами; и такъ, если

кто хорошо исполняетъ должность свою на полѣ сраженія: то ни Валленштейнъ, ни Папенгеймъ, ни старый Тилли, ни даже самъ чортъ не станетъ слушать какого нибудь мѣщанина или крестьянина, жалующагося на притеснѣніе. Почему опытный офицеръ, знающій какъ за это взяться, какъ говорится Шотландская пословица: умѣющій пришить свинячью голову къ хвосту поросенка, можетъ заставить государство платить то, чего не платитъ Императоръ."

— „Что безъ сомнѣнія вы и не упускали дѣлать, не забывая при томъ и процѣнтовъ?"

— „Само собою разумѣется," отвѣчалъ Далжетти съ важностью, офицеру также было бы стыдно не получить удовлетвореніе, сколько и быть принужденнымъ давать отчетъ въ малѣйшихъ бездѣлицахъ."

— „Но скажите жь мнѣ, какая причина могла заставить васъ, оставить столь выгодную службу?"

— „Я сей часъ вамъ это объясню. Маіоръ нашего полка былъ Ирландецъ, по имяни Окиллиганъ. Въ одинъ вечеръ я поссорился съ нимъ на щетъ достоинства моихъ и его соотечественниковъ. На другой день вздул-

малось ему приказывать мнѣ поднявши къ верьху трость свою, вмѣсто того, чтобъ держать ее опустя внизъ, какъ слѣдуетъ главному офицеру, знающему обращеніе съ равными ему въ званіи дворянина, но которые ниже его чинами по службѣ. За это, я вызвалъ его на дуэль и мы оба были ранены Вальтеръ Бушлеръ нашъ oberste, или полковникъ, извѣстясь о томъ, наказалъ насъ обоихъ, но только не равнымъ образомъ, подвергнувъ меня строжайшему наказанію, потому только, что Маіоръ былъ его соотечественникъ Не могши снести такого пристрастія, я подалъ въ от-

ставку и вступилъ въ службу Испаніи."

— „Надѣюсь, что вы не имѣли причины раскаяваться въ сей перемѣнѣ, сказалъ Лордъ Меншеинтъ."

— „По чести, я не могу на што пожаловаться. Жалованье выдавали довольно исправно, потому, что оно шло изъ сундуковъ богатыхъ Фламандцевъ и Валлоновъ соединенныхъ штатовъ. Зимнія квартиры наши были превосходны, Фландрской пшеничный хлѣбъ вкуснѣе, нежели ржаный въ Швеціи, а Рейнское вино гораздо изобильнѣе лилось въ нашемъ лагерѣ,

чемъ чорное Ростокское пиво въ лагерѣ Густава. Сверьхъ того мы не отправляли никакой службы, не имѣли никакой обязанности, и могли по собственной волѣ увольнять себя и отъ тѣхъ неважныхъ должностей, какихъ отъ насъ требовали. Это было прекрасное мѣсто отдохновенія для воина, наскучившаго дѣятельною полевою жизнію, купившаго уже цѣною крови столько почестей, сколько могъ желать, и хотѣвшаго пожить нѣсколько времяни на свободѣ и въ довольствѣ."

— „Позвольте спросить васъ, Капитанъ, для чего жъ вы, будучи по видимому въ

шакомъ блаженномъ состояніи, оставили шакже и Испанскую службу?"

—„Замѣшьше, Милордъ, что Испанцы, народъ весьма гордый, надушый мнимымъ своимъ досшоинсшвомъ и не соблюдающій должнаго уваженія къ чужесшраннымъ Офицерамъ, служащимъ подъ ихъ знаменами. Вы конечно со мною согласишесь, что для храбраго Офицера весьма обидно бышь всякой разъ обойденнымъ по службѣ, и видѣшь, что ему предпочишаюшъ всѣхъ *Синьоровъ* молокососовъ въ полку, которые впрочемъ, когда дѣло дойдешъ до сраженія на присшупѣ или въ око-

дахъ, охотно уступили бы мѣсто свое всякому Шотландскому рыцарю Но это, Милордъ, все бы ничего не значило, еслибъ не лежалъ у меня грѣхъ на совѣсти, на щетъ религіи."

—„Я никакъ бы не повѣрилъ, Капитанъ, чтобъ старый воинъ, столь часто перемѣнявшій службу, былъ такъ разборчивъ въ этомъ случаѣ?"

—„Не потому, чтобъ я слишкомъ былъ разборчивъ, Милордъ, вскричалъ капитанъ, ибо думаю, что полковому попу должно заниматься такими дѣлами, его обязанность состоитъ въ

томъ, чтобы думать о семъ, какъ за меня такъ и за всѣхъ храбрыхъ воиновъ; и въ этомъ только случаѣ по моему мнѣнію, онъ и заслуживаетъ свое жалованье и плату. Но это былъ особенный случай, можно назвать его, Милордъ, casus improvisus, тѣмъ болѣе, что не было священника моего исповѣданія, у котораго я могъ бы попросить совѣта. Охотно забывали, что я былъ протестантской религіи, потому, что я всегда готовъ былъ дѣйствовать и имѣлъ гораздо болѣе опытности, нежели всѣ полковые *Доны* вмѣстѣ; но когда я былъ въ гарнизонѣ, то требовали,

чтобъ ходилъ къ обѣдни вмѣстѣ съ моими товарищами. Будучи, Милордъ, природный Шотландецъ, воспитанный въ школѣ Марешаля въ Аберденѣ, я привыкъ почитать обѣдню ихъ дѣйствіемъ ерешиковъ, папизмомъ и идолопоклонствомъ, и увѣренъ былъ въ томъ, что не долженъ удостоивать оной своимъ присутствіемъ. Правда, что я просилъ разрѣшенія на сей вопросъ у одного изъ почтенныхъ моихъ соотечественниковъ отца Фастида (*) въ Шотланд-

(*) Fastides значитъ толстобрюхій.

Прим. Сочин.

скомъ монастырѣ въ Виртцбургѣ. . . "

— „ И безъ сомнѣнія разсужденіе сего достойнаго отца, еще болѣе утвердило васъ въ этомъ мнѣніи ? "

— „ Рѣшеніе его очень было ясно, потому, что прежде мы выпили съ нимъ шесть бутылокъ Рейнскаго вина и бутылку Кирхенвассеру. Отецъ Фастидъ сказалъ мнѣ, что для такого еретика какъ я, сколько онъ могъ замѣтить, весьма мало было пользы ходить къ обѣдни, или не ходить; ибо все я долженъ же буду когда нибудь отправиться ко всѣмъ чер.

шямъ, по причинѣ всегдашней моей нераскаянности и упорства въ проклятой ереси. Отвѣтъ сей лишилъ меня мужества, и я обратился съ симъ же вопросомъ къ одному Голландскому священнику Реформатской церкви, который сказалъ мнѣ, что по его мнѣнію, я могъ законнымъ образомъ ходить къ обѣдни, ибо пророкъ, дозволилъ Нааману, придворному Царя Сирійскаго, слѣдовать за Государемъ своимъ въ храмъ идоловъ; потому, что онъ обязанъ былъ ему повиноваться и наклонять голову въ то время, какъ Царь обопрется на его руку. Но и это разрѣ-

шеніе не совсѣмъ еще было для меня удовлетворительно, потому, что я находилъ большую разницу между Царемъ Сирійскимъ, который былъ помазанъ, и Испанскимъ Полковникомъ, котораго я могъ бы вздуть на воздухъ, какъ перо. Такъ, какъ то, чего отъ меня требовали, не было мнѣ предписано ни однимъ артикуломъ военной службы; а при томъ ничто не могло удержать меня, жалованье же, мною получаемое слишкомъ мало, чтобъ заглушить гласъ моей совѣсти: то я....

— „Чтожъ съ вами потомъ случилось?"

—„Я попробовалъ службу Прусскую и Россійскую, но пробывъ тамъ малое время, вступилъ наконецъ въ великія владѣнія соединенныхъ Голландскихъ штатовъ.“

—„Лучше ли вамъ понравилась сія послѣдняя служба?“

—„О! Милордъ! вскричалъ капитанъ съ восторгомъ, тамъ нѣтъ ни ссуды, ни займа, ни отсрочки; всегда выдавали наличными деньгами, съ такою точностію, какъ будто бы по векселю какого нибудь банкира. Зимніе квартиры тамъ весьма хороши,

шакъ какъ и съѣсшные припасы. Но надобно признашься, Милордъ, что эшошъ народъ самой вздорливый и мнишельный, не пропускающій ни малѣйшей погрѣшносши; шакъ, чшо кшо бы ни принесъ на солдаша жалобу, прибишый ли кресшьянинъ, или цѣловальникъ, у кошораго перебили посуду, или б. . . . вскрикнешъ шакъ громко, чшо ее услышашъ: шо васъ благороднаго человѣка, шошчасъ ошведушъ не военный судъ, кошорый по насшоящему одинъ шолько имѣлъ бы право разсмошрѣшь вашъ посшупокъ, но къ бѣдняку бургомисшру, подлому купцу, кошорый сшанешъ угро-

жать вамъ шюрьмою и пешлею, какъ какому нибудь бездушному своему соошечесшвеннику! почему не могши долѣе жишь между шакими неблагодарными Плебеянами, кошорые неспособны будучи защищашься сами собою, никакихъ выгодъ не хошяшъ досшавишь чужесшранному дворянину, вступившему въ ихъ службу, кромѣ жалованья, кошораго благородный человѣкъ не сравняешъ съ свободнымъ и чесшнымъ обращеніемъ,— я просшился съ *Мингерами*. Къ великому же своему удовольсшвію узнавъ шогда, чшо человѣкъ моего ремесла вѣрояшно понадобишся въ эшомъ

Королевствѣ, любезномъ моемъ отечествѣ; я пріѣхалъ сюда по Шотландской пословицѣ: какъ нищій на свадьбу; съ тѣмъ, чтобы употребить въ пользу моихъ соотечественниковъ, тѣ познанія, и ту опытность, которыя пріобрѣлъ въ чужихъ краяхъ. Вотъ вамъ Милордъ, сокращеніе моей исторіи; но если расказать вамъ мои военные подвиги на поляхъ сраженій, и во время приступовъ, и взятія городовъ и крѣпостей: то это заведетъ насъ слишкомъ далеко; притомъ же, мнѣ и не пристойно говорить о самомъ себѣ.

ГЛАВА III.

„C'est à l'homme d'état à se creuser la tète
„Pour pouvoir distinguer l'injuste de l'honnête,
„Je ne sais discuter que le sabre à la main
„Et ne veux m'en servir que pour gagner mon pain;
„Pourquoi tant raisonner? je suis, comme les suisses,
„Pour quiquonque voudra mieux payer mes services."

Donne.

Дорога сдѣлалась тутъ столь узка и извилиста, что не возможность ѣхать

двоимъ рядомъ, прервала разговоръ нашихъ путешественниковъ. Лордъ Ментеитъ остановивъ свою лошадь, говорилъ нѣсколько времяни съ своими слугами, между тѣмъ какъ Капитанъ составивъ авангардъ, продолжалъ ѣхать далѣе. Проѣхавъ около четверти мили по не гладкой и крутой тропинкѣ, они очутились въ прекрасной долинѣ, чрезъ которую протекалъ ручей, ниспадавшій съ горы, видной не въ далекѣ; соединившись на берегахъ онаго, они возобновили разговоръ.

— „Я думаю," сказалъ Лордъ Ментеитъ Далжет-

тію, что такой офицеръ какъ вы,— столь долго и съ такою честію служившій храброму Королю Швеціи, и возъимѣвшій столь справедливое презрѣніе къ симъ подлымъ Голландскимъ торговцамъ, ни мало не колеблясь отдастъ преимущество сторонѣ Короля Карла, предъ сими бездѣльниками, круглоголовыми Фанатиками, взбунтовавшими противъ законной власти."

—„Ваша правда, Милордъ, отвѣчалъ капитанъ, и, caeteris paribus, я самъ былъ бы довольно расположенъ на вашу сторону, если бы не было Шотланд-

ской пословицы, что красными словами рѣпы не изжарить: я ихъ много выучилъ съ тѣхъ поръ, какъ сюда пріѣхалъ; и увѣрился въ томъ, что во время теперешнихъ внутреннихъ несогласій, благородный человѣкъ можетъ пристать къ той партіи, которая ему болѣе понравится, чтобъ послѣ въ томъ не раскаяваться. Вашъ пароль, Милордъ, есть вѣрность; пароль же Презбитеріанъ: вольность. Да здравствуетъ Король! восклицаетъ Кавалеръ; да здравствуетъ Парламентъ! кричитъ круглоголовой; Монтрозъ нашъ начальникъ! восклицаютъ Дональды; Ар-

жиль и Левенъ! кричатъ Кампбели. Поддерживайте Прелатовъ, проповѣдуетъ Епископъ; сражайтесь за священниковъ, говоритъ попъ. Все это хорошо, прекрасно! но смѣю спросить: которая изъ двухъ сторонъ справедливѣе? я объ этомъ ничего не знаю; впрочемъ совершенно увѣренъ въ томъ, что нѣсколько разъ проливалъ кровь свою за причины, которые въ десятеро хуже, нежели самая несправедливѣйшая изъ сихъ двухъ."

— „Если права обѣихъ партій кажутся для васъ столь одинаковы: то скажите мнѣ, капитанъ, что

можетъ заставить васъ сдѣлать рѣшительный выборъ?

—„Двѣ причины весьма естественныя; во первыхъ: въ которой изъ двухъ партій могу получить большій чинъ, во вторыхъ же, самая очевидная, которая изъ нихъ щедрѣе вознаградитъ меня за услуги? а сказать вамъ искренно Милордъ, мысли мои въ разсужденіи сихъ двухъ пунктовъ, клонятся къ сторонѣ Парламента.“

—„Изъясните мнѣ, на чемъ основываете такое мнѣніе? можетъ быть я въ состояніи буду опроверг-

жутъ оное другими, не мѣнѣе сильными доказательствами?

—„Вы увидите, Милордъ, что я готовъ слушать хорошія доказательства, когда они относятся къ чести моей и пользѣ. И такъ: вообразите себѣ, милордъ, собравшуюся или готовую собраться въ сей дикой странѣ армію Монтаньярозъ. Вы сами знаете ихъ нравы; нельзя отнять того, что они одарены телѣсною силою и мужественнымъ духомъ; я согласенъ, что они изрядно будутъ сражаться по своему обычаю, который столь же отличенъ отъ обыкновеніи и военной дисципли-

ны, какъ въ прежнія времена образъ войны древнихъ Скифовъ, а въ новѣйшія дикихъ жителей Сѣверной Америки. У нихъ нѣтъ даже ни флейтъ, ни барабановъ, чтобъ бить зарю, тревогу, походъ, атаку или отступленіе, а варварскія звуки проклятыхъ ихъ волынокъ, которыя они думаютъ понимать, совсѣмъ не вразумительны для слуха рыцаря, привыкшаго къ войнѣ между образованныхъ націй. И такъ еслибъ я взялся учить дисциплинѣ сію армію Санкюлотовъ (*): то никакъ

(*) Шотландскія Монтаньяры носятъ родъ юбокъ, дося-

бы не могъ достигнуть того, чтобъ они меня понимали, а если бъ даже и стали понимать: то какъ бы могъ заставить повиноваться себѣ толпу полудикихъ, которые привыкши къ почтенію и покорности начальникамъ своихъ племянъ по врожденному инстинкту, ни того ни другаго не окажутъ заслуженному воину, который сталъ бы ими командовать. Если я выстрою ихъ на примѣръ въ порядокъ баталіи извлекши квадратный корень, т. е. сдѣлавши ба-

---

зающихъ до колеча, которыя они называютъ trewa.

шаліонъ карре — изъ равнаго числа людей во фрунтѣ и во флангѣ, соотвѣтственно квадратному корню всего числа вашихъ солдатъ: то что получу отъ нихъ въ награду за открытіе сей драгоцѣнной тайны воинской тактики? можетъ быть ударъ кинжала въ грудь за то, что поставилъ во фрунтѣ, или въ задней шеренгѣ, какого нибудь Макъ Алистера, Макъ Мора, или какого бъ то ни было Мака, которому захотѣлось бы стоять въ первомъ ряду „ Не бросайте бисеры передъ свиньями, говоритъ Святое писаніе, да не обратятся

вспять и не растерзают
васъ."

— „Я думаю Андерсонъ,"
сказалъ Лордъ Ментеитъ
одному изъ слугъ своихъ,
ѣхавшему за нимъ очень
близко, „что ты лучше
всѣхъ можешь увѣрить капитана
въ томъ, что намъ
надобны будутъ опытныя
офицеры для войскъ, которые
гораздо болѣе расположены
пользоваться ихъ
наставленіями, нежели какъ
онъ ожидаетъ."

— „Съ позволенія вашего
Превосходительства,
сказалъ Андерсонъ, снявши
съ почтеніемъ свой военный
картузъ," я сдѣлаю

замѣчаніе, что когда мы соединимся съ Ирландскою пѣхотою, коей ожидаемъ прибытія, и которая теперь давно уже должна быть высажена на берегъ; то намъ надобны будутъ опытные и искусные офицеры для обученія рекрутъ военной дисциплинѣ."

—„Желалъ бы, сказалъ Далжетти, и для меня весьма было бы пріятно заняться образованіемъ ихъ; потому, что Ирландцы народъ храбрый, могу сказать: весьма храбрый; я не видывалъ солдатъ въ арміи лучше ихъ. И теперь помню, какъ во время взятія Франкфурта на Одерѣ,

одна бригада Ирландцевъ, до тѣхъ поръ дралась на сабляхъ и на копьяхъ, пока не принудила отступить Синюю и Желтую бригады, почитавшіеся храбрѣйшими изъ всей Шведской арміи, безсмертнаго Густава. Однако же не взирая на то, храбрый Гепбурнъ, мужественный Люмсдаль и неустрашимый Монро съ другими рыцарями, въ числѣ коихъ былъ и я, пробились сквозь нихъ посредствомъ пикъ; но если бъ мы вездѣ нашли такое же сопротивленіе: то возвратились бы съ большою потерею назадъ, не одержавши побѣды. Всѣ сіи храбрые Ирландцы были порублены по

праву войны, но тѣмъ не менѣе они покрыли себя безсмертною славою. Съ тѣхъ поръ я всегда любилъ и почиталъ солдатъ сей націи болѣе всѣхъ, исключая однакоже моихъ согражданъ."

—„Я могу обѣщать вамъ," сказалъ Лордъ Ментеитъ, „хорошее мѣсто въ Ирландскомъ корпусѣ, если только вы расположитесь приняшь сторону Короля."

—„Это хорошо: но остается еще одно, и очень важное затрудненіе. Не взирая на то, что я почитаю за подлость недостойную званія солдата, неимѣть ничего другаго въ

виду кромѣ денегъ, да денегъ, какъ сіи подлецы Нѣмецкіе разсыльщики, о которыхъ я сей часъ вамъ говорилъ; хотя и готовъ поддержать съ саблею въ рукѣ, что честь предпочтительнѣе жалованья, однакожъ, e contrario, такъ какъ жалованье солдата, есть вещь заслуженная за тѣ подвиги, которые онъ обязуется оказать: то всякой разсудительный человѣкъ, долженъ думать о наградѣ, какой онъ въ правѣ ожидать за свои услуги, и навѣрное знать: изъ какого капитала будутъ ему платить за оныя? Послѣ того, что я видѣлъ и слышалъ, мнѣ кажется,

что снурки кошелька въ рукахъ Парламента. Согласенъ, что вы можете сохранить доброе расположеніе Монтаньяровъ, обѣщаясь дозволить имъ по ихъ обыкновенію, красть скотину; чтожъ касается до Ирландцевъ: то вы Милордъ, и ваши благородные сообщники, можете слѣдовать обыкновенію; во время подобныхъ войнъ употребляемому, т. е. платить имъ какъ и когда вамъ вздумается; но съ такимъ рыцаремъ какъ я, которой долженъ содержать своихъ лошадей, слугъ, и имѣть собственныя оружія и акипажъ, который не можетъ, да и

не хочетъ ни въ какомъ случаѣ вести войну на свой щетъ, вы не должны такъ поступать."

Тутъ Андерсонъ, тотъ слуга, которой уже говорилъ, подъѣхавши ближе, обратился къ своему господину и сказалъ ему съ почтительнымъ видомъ "Я думаю Милордъ, что съ позволенія вашего, могу отвѣчать на послѣднее замѣчаніе Г. Капитана. Онъ желаетъ знать: какіе способы имѣемъ мы для содержанія нашей арміи, и мнѣ кажется, что казна наша не мѣнѣе казны Конвента. Онъ налагаетъ подати по своему произволенію, и

грабишъ помѣстья Королевскихъ друзей; но если мы воидемъ въ Нижнія земли предводишельствуя Моншаньярами и Ирландцами съ оружіемъ въ рукахъ: шо вѣрно также найдемъ многихъ буншовщиковъ, по горло зарышыхъ въ золошо, неправедно ими пріобрѣшенное, кошорое наполнишъ нашу казну и послужишъ на удовлешвореніе солдашъ нашихъ. Впрочемъ конфискаціи имѣній будушъ сыпашься какъ градъ, и Король, даруя помѣстья измѣнниковъ, храбрымъ офицерамъ, сражавшимся подъ его знаменами, въ одно время накажешъ симъ первыхъ, и наградишъ пос-

лѣднихъ. Однимъ словомъ: тотъ, кто приметъ сторону псовъ круглоголовыхъ получитъ можетъ быть одно только самое бѣдное жалованье, между тѣмъ какъ воинъ, который будетъ служить подъ нашими знаменами, весьма скоро достигнетъ степеней Кавалера, Лорда, и даже Графа, если щастіе ему поблагопріятствуетъ.'

— „Служилъ ли ты когда нибудь, другъ мой? спросилъ его капитанъ.

— „Не много, сударь, во время нашей междоусобной войны.

— „ Но вѣрно не бывалъ ни въ Германіи ни въ Голландіи?

— „ Никогда, сударь," отвѣчалъ Андерсонъ.

— „ Могу васъ увѣрить, Милордъ, сказалъ Далжетти Лорду Ментеиту," что слуга вашъ имѣетъ весьма справедливыя и умныя мысли о военной службѣ. Впрочемъ они нѣсколько вѣтрены; онъ напоминаетъ мнѣ басню о человѣкѣ, продающемъ медвѣжью шкуру, не бывъ еще на охотѣ. Однакоже я хорошенько объ этомъ подумаю.

— „ Доброе дѣло сдѣлаете, капитанъ," сказалъ

немъ висящей, и отъ пустоты; которую я ощущаю въ своемъ желудкѣ."

ГЛАВА IV.

„Un jour, n'importe quand, quelques bons compagnons
„Prirent leur rendez vous dans un de nos vallons.
„Jamais on n'avoit vu, descendant de montagnes,
„De plus hardis coquins inonder nos campagnes:
„Qui les auroit connus n'en disconviendroit pas "

Meston.

Наши путешественники находились тогда у подошвы горы, увѣнчанной лѣ-

сомъ изъ древнихъ Шотландскихъ сосенъ, коихъ вѣтвистые вершины, распростиравшіеся на западномъ горизонтѣ, позлащались послѣдними лучами заходящаго солнца. Посреди сего лѣса, возвышались башни, или лучше сказать трубы дома, величаемаго имянемъ замка, который былъ цѣлію ихъ путешествія.

По обыкновенію тогдашняго времяни нѣсколько тѣсныхъ и высокихъ строеній, крестообразно другъ друга пересѣкавшихъ: составляли главный корпусъ. На углахъ же онаго, построены были небольшія

башни, весьма походившія на перечницы (*), по коимъ Дарлинварахъ получилъ названіе замка. Тамъ были также строенія, необходимыя для сельскаго хозяйства, и весь замокъ обнесенъ низкимъ землянымъ валомъ.

По мѣрѣ приближенія къ замку, наши путешествен-

(*) т. е. На Англинскіе перечницы: въ Англіи перецъ подается въ небольшихъ бутылкахъ круглыхъ и продолговатыхъ, съ серебряною крышечкою, въ которой сдѣланы бываютъ маленькія дырочки.

Прим. Перевод.

ники примѣчали разныя укрѣпленія, вновь сдѣланныя; сіи предосторожносши вѣрояшно приняшы были по причинѣ опасносши, угрожавшей всегда во время междоусобныхъ несогласій Въ сшѣнахъ, оградахъ и даже самыхъ зданіяхъ, сдѣланы были ошверсшія для ружейной сшрѣльбы; а въ окнахъ всшавлены железные рѣшешки, какъ будшо бы въ какой нибудь шемницѣ. Ворота были заперты, и когда пріѣзжіе наши сказали имяна свои, шогда одна половина оныхъ, съ осшорожносшью ошворена была двумя дюжими моншаньярами, вооруженными съ головы до ногъ,

которые подобно Битіасу и Пандару въ Енейдѣ, казались готовыми защищать входъ въ оныя противъ всякаго непріятеля.

Въѣхавъ на дворъ, они замѣтили другія приготовленія для обороны: высокія подмостки пристроены были къ стѣнамъ, для удобнѣйшаго употребленія огнестрѣльнаго оружія, а небольшія полевые пушки, поставлены на площадкѣ каждой башенки.

Нѣсколько слугъ, изъ коихъ одни были въ костюмѣ Монтаньяровъ, другіе же въ платьѣ жителей нижнихъ земель тотчасъ вы-

шли изъ замка и подошли къ незнакомцамъ, чтобы принять ихъ лошадей и отвести ихъ въ конюшню; а пріѣзжихъ проводить въ присутствіе своего господина. Но капитанъ Далжетти не хотѣлъ никому ввѣрить попеченія о своей лошади.

— „Я привыкъ друзья мои, самъ пещись о Густавѣ. (такъ онъ назвалъ лошадь свою въ честь непобѣдимаго своего начальника). Мы старыя съ нимъ пріятели, товарищи во время путешествія, и такъ, какъ я часто имѣю нужду въ ногахъ его: то собственными руками обязанъ

ему услуживать, когда онъ имѣетъ въ томъ нужду." Сказавъ сіе онъ самъ повелъ коня своего въ конюшню.

Лордъ Ментеитъ и слуги его неимѣли такого попеченія о своихъ лошадяхъ, и оставивъ ихъ слугамъ, вошли въ замокъ. Въ обширной и темной передней комнатѣ со сводами, стояла огромная бочка съ пивомъ, подлѣ которой поставлено было нѣсколько деревянныхъ стакановъ, готовыхъ къ услугамъ желающихъ. Лордъ Ментеитъ взявъ одинъ изъ нихъ, отвернулъ кранъ бочки, наполнилъ стаканъ и выпивъ

безъ церемоніи передалъ оный Андерсону; который послѣдовалъ примѣру своего господина, выполоскавъ напередъ стаканъ нѣсколькими каплями пива, кои послѣ выплеснулъ.

—„Что за дьявольщина! вскричалъ Дональдъ, старый Монтаньяръ, съ давняго времяни уже находившійся въ услугахъ господъ замка:" развѣ онъ не можетъ пить послѣ своего барина, не выполоскавъ напередъ стакана, и не теряя по напрасну нашего пива? чтобъ чортъ его побралъ!

—„Я воспитанъ во Фран-

ціи, отвѣчалъ Андерсонъ, а тамъ, никто не пьетъ изъ одного стакана послѣ другаго, развѣ только послѣ пригожей женщины."

—Убирайся къ чорту съ такою разборчивостію, прервалъ Дональдъ, когда пиво хорошо, то какая тебѣ въ томъ нужда, если чья нибудь борода прикасалась къ стакану прежде твоей?

Товарищь Андерсона выпивъ безъ всякой церемоніи, не возбудилъ неудовольствія Дональда. Потомъ оба они послѣдовали за своимъ господиномъ въ большую залу со сводами, ко-

торая въ одно время служила столовою и гостиною. Сія комната освѣщалась большимъ огнемъ, пылавшимъ въ огромномъ каминѣ, находившемся въ концѣ оной, который не взирая на то, что тогда была средина лѣта, не безполезенъ былъ по причинѣ сырости сего пространнаго покоя. Двадцать или тридцать щитовъ, столько же клайморовъ, (*) охотничьи ножи, ружья, копья, сѣкиры, луки, шлемы, вооруженія, и разнаго рода латы и панцыри, украша-

(*) Такъ называются сабли Шотландскихъ Монтаньяровъ.

ли стѣны, на коихъ въ безпорядкѣ были повѣшены. Они могли бы служить на цѣлый мѣсяцъ забавою для членовъ нынѣшняго общества любителей древностей; но тогда вещи, о которыхъ мы говоримъ, такъ примѣлькались, что никто не обращалъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія.

На большомъ дубовомъ столѣ самой грубой работы, старый Дональдъ поставилъ по ближе къ камину молока, масла, сыру изъ козьяго молока, кружку пива и бутылку ускебога (*), и пригласилъ Лор-

(*) Ускебогъ, крѣпкій напитокъ, дѣлаемый Монтаньярами.

да Ментеита пополдничать во ожиданіи ужина. Другой слуга приготовлялъ подобную же закуску на другомъ концѣ стола, для слугъ молодаго Графа; ибо въ тѣ времяна, слуги ѣли всегда за однимъ столомъ съ господами, сколько бы ни были знатны сіи послѣдніе; и все различіе между ими состояло въ томъ только, что они занимали другой — отдаленной конецъ стола. Въ это время Лордъ Ментеитъ приближился къ огню и сѣлъ подлѣ камина; между тѣмъ какъ слуги стояли въ почтительномъ отъ него разстояніи.

—„ Андерсонъ, сказалъ Графъ, что ты думаешь о нашемъ спутникѣ?

—„ Я думаю, что онъ весьма храбръ и опытенъ; желалъ бы, чтобъ у насъ было дватцать подобныхъ офицеровъ, для предводительствованія Ирландскими нашими рекрутами.“

—„ А я совсѣмъ не такихъ мыслей какъ ты, Андерсонъ; и почитаю этаго чудака за одного изъ кровопійцъ, который напитавщись кровію въ чужихъ странахъ, пріѣхалъ теперь сосать кровь своихъ соотечественниковъ. Эти наемные солдаты, унижаютъ

военное звание. По ихъ милости имя Шотландцевъ, обезславлено во всей Европѣ, и насъ почитаютъ за людей, не имѣющихъ ни чести ни правилъ; которые ни о чемъ другомъ не думаютъ кромѣ жалованья; будучи всегда готовы переходить отъ одной партіи къ другой единственно изъ корысти, и коихъ жажда къ грабительству ненасытима. Сему же духу обязаны мы и междоусобными нашими несогласіями, принуждающими насъ обратить другъ противъ друга оружіе. Признаюсь, что слушая исторію сего наемнаго гладіатора, мнѣ менѣе труда было воздер-

живаться отъ презрѣнія, какое онъ мнѣ внушалъ, нежели отъ смѣха, видя такое его безстыдство.

—„ Извините меня, Милордъ, отвѣчалъ Андерсонъ, если я посовѣтую вамъ отчасти скрывать это благородное негодованіе. Къ нещастью мы не можемъ достигнуть цѣли славнаго нашего предпріятія безъ соучастниковъ, которыя станутъ дѣйствовать не по такимъ благороднымъ побужденіямъ, по какимъ мы поступаемъ; и потому намъ не льзя обойтись безъ помощи людей, подобныхъ другу нашему капитану.

—„ Стану притворяться сколько мнѣ будетъ возможно; но право желалъ бы отъ всего сердца, чтобъ онъ убирался къ чорту."

—„Не забудьте, Милордъ, что для излѣченія раны, сдѣланной жабою, надобно выдавить ядъ другой жабы. . . но тсъ! насъ могутъ подслушать!

Тутъ вошелъ въ залу Монтаньяръ, съ головы до ногъ вооруженный; гордый его видъ и перо, коимъ украшенъ былъ его каршузъ: показывали, что онъ знатнаго происхожденія. Онъ медлѣнно приближился къ столу.

—„Какъ вы поживаете, Алланъ?" спросилъ у него Лордъ Ментеитъ.

Алланъ не сдѣлалъ никакого отвѣта.

—„Теперь не надобно ничего съ нимъ говорить," сказалъ старый Дональдъ въ полголоса.

Монтаньяръ, подошедши къ огню, сѣлъ на скамью, и устремивъ глаза на очагъ, казался погруженнымъ въ глубокія размышленія. Черные глаза его, дикія черты лица и восхищенный видъ, показывали человѣка, который внутренно занимаясь однимъ предметомъ, весьма

мало обращалъ вниманія на внѣшнія. Видъ мрачной суровости, бывшій можетъ быть слѣдствіемъ уединенной и благочестивой жизни, въ жителѣ *Нижнихъ Земель* —могъ бы быть приписаннымъ духовному фанатизму; но Монтаньяры тогдашняго времени очень рѣдко подвержены были душевной болѣзни, столь обыкновенной во всей Великобританіи; однако же они имѣли суевѣрные предразсудки, имъ однимъ свойственные, которые, покрывая разсудокъ ихъ густымъ туманомъ, производятъ надъ ними то же дѣйствіе, какое Пуританизмъ имѣетъ надъ ихъ сосѣдями.

—„Не извольте, Ваше Превосходительство,“ повторилъ Доналбдъ Лорду Ментеиту тихимъ голосомъ, „говорить съ Алланомъ: онъ теперь въ припадкѣ.“

Графъ сдѣлалъ ему знакъ головою, показывая тѣмъ, что его понимаетъ, и не обращалъ болѣе никакого вниманія на Монтаньяра.

Но вдругъ сей послѣдній всталъ, и обращаясь къ Дональду, сказалъ ему: не говорилъ ли я тебѣ, что пріѣдутъ четверо, почему же здѣсь только трое?

—„Вы говорили это, Алланъ,“ отвѣчалъ старый

слуга, „и не ошиблись. Четвертый также пріѣхалъ; но теперь находится въ конюшнѣ: онъ съ головы до ногъ покрытъ желѣзомъ, какъ ракъ своей кожуриной. Не прикажите ли приготовить для него стулъ подлѣ Лорда Меншеита, или на другомъ концѣ стола съ сими молодцами?"

Графъ самъ отвѣчалъ на сей вопросъ, сдѣлавъ ему знакъ поставить стулъ возлѣ себя.

—„Вотъ онъ и самъ идетъ," примолвилъ Дональдъ, увидя Далжетти вошедшаго въ комнату: „я надѣюсь, что вы, господа, скушаете

по куску хлѣба и сыра для возбужденія аппетиту; мы всегда это говоримъ во ожиданіи обѣда и возвращенія Тирнаха (*) съ охоты, на которой онъ находится теперь съ своими друзьями. Тогда-то увидите, умѣетъ ли Дональдъ приготовить блюдо дичины!"

Между тѣмъ Капитанъ, вошедши въ залу, подошелъ къ Лорду Ментеиту и оперся на спинку стула, который былъ ему приготовленъ подлѣ назначеннаго для Графа. Андерсонъ и его това-

---

(*) Такъ называютъ начальниковъ колѣнъ Монтаньяровъ.

рищь на другомъ концѣ стола съ почтеніемъ ожидали, чтобъ имъ позволено было сѣсть, а трое или четверо слугъ, бывшихъ въ повелѣніяхъ управителя Дональда, стояли поодаль, будучи готовы услуживать гостямъ.

Во время сихъ приготовленій, Алланъ всталъ вторично, взялъ лампаду, стоявшую на столѣ, и приближивъ ее къ лицу Далжеттія, разсматривалъ черты лица его съ большимъ вниманіемъ.

—„Чортъ возьми!" сказалъ Капитанъ, качая головою съ недовольнымъ видомъ, когда Алланъ кончилъ

свой осмотръ;" я готовъ объ закладъ ударишься, что этотъ чудакъ и я, мы вѣрно узнаемъ другъ друга, когда гдѣ-нибудь въ другой разъ встрѣтимся."

Между тѣмъ Алланъ подошелъ къ другому концу стола, и съ лампадою въ рукахъ столь же пристально разсматривалъ Андерсона и его товарища; потомъ на одну минуту углубясь въ размышленіе, ударилъ себя по лбу, взялъ Андерсона за руку, и прежде, нежели сей послѣдній могъ ему возпротивиться, повелъ его, или лучше сказать, потащилъ къ другому концу стола, сдѣлавъ ему знакъ,

чтобъ онъ сѣлъ на стулъ, приготовленный для Далжетти; а потомъ, схвативъ сего послѣдняго безъ всякой церемоніи подъ руку, оттолкнулъ его весьма грубымъ образомъ на средину залы.

Капитанъ, раздраженный симъ поступкомъ, хотѣлъ сопротивляться; но не взирая на то, что онъ самъ былъ силенъ, не могъ однако же сравниться въ томъ съ великаномъ Монтаньяромъ, который толкнулъ его съ такою жестокостію, что онъ растянулся на полу, и звукъ вооруженія его раздался во всей комнатѣ. Едва успѣлъ онъ встать на

ноги, какъ выхвативъ саблю свою, бросился на Аллана, который, сложа крестообразно руки на груди, казалось съ холоднымъ презрѣніемъ ожидалъ его нападенія. Монтаньяры, бывшіе въ залѣ, тотчасъ кинулись къ оружіямъ, висѣвшимъ на стѣнѣ, и схватили тѣ изъ нихъ, которыя прежде попались имъ въ руки; но Лордъ Ментеитъ поспѣшно сталъ между ими и Капитаномъ, чтобъ удержать сего послѣдняго.

—„Онъ сумасшедшій,“ сказалъ Графъ Далжеттію въ полголоса: „совершенно сумасшедшій! и вы не лучше его будете, если съ нимъ поссоритесь.“

—„Когда вы увѣряете, вскричалъ Далжетти, что онъ не mentis compos, что видъ и поступокъ его кажется довольно доказывающъ: то дѣло симъ и кончится; ибо сумасшедшій не можетъ ни причинить обиды, ни доставить за оную удовлетворенія. Однако же клянусь душею, онъ очень щастливъ, что я не выпилъ еще двухъ бутылокъ Рейнскаго вина, и не имѣю за поясомъ своихъ пистолетовъ. Впрочемъ весьма жаль, что этотъ человѣкъ помѣшанъ; потому, что онъ кажется мнѣ, одаренъ великою телесною силою и въ состояніи владѣть

копьемъ, кистенемъ (morgenstern) (*) и всякимъ другимъ оружіемъ!"

Когда миръ былъ такимъ образомъ возстановленъ: то они сѣли за столъ, и капитанъ занялъ то мѣсто, которое прежде было ему назначено. Алланъ удалившись на скамью подлѣ

(*) Это оружіе употреблялось въ началѣ XVII вѣка, для защищенія проломовъ въ стѣнахъ и укрѣпленій. Когда Нѣмцы, пишетъ полковникъ Робертъ Монро, ругались надъ Шотландскими солдатами, осажденными тогда въ Стральзундѣ; говоря, что къ нимъ прибылъ изъ Даніи корабль, нагруженный курительными трубками: то одинъ изъ на-

о.ння, казался углубленнымъ въ размышленія, и болѣе не думалъ входить въ сіе распоряженіе. Лордъ Менщеитъ, желая удалить даже и воспоминаніе о томъ, что произошло, спѣшилъ начать разговоръ, и относясь къ старому Монтаньяру, сказалъ ему:

шихъ солдатъ, показывая имъ съ высоты стѣнъ кистень, сдѣланный изъ толстой дубины, окованный желѣзомъ, какъ рукоятка алебарды, съ тяжелымъ ядромъ на концѣ, у коего были острые спицы, сказалъ имъ: „вотъ тѣ трубки, которыми мы раздробимъ вамъ черепы, когда вы полѣзете на приступъ.“

„И такъ Дональдъ, Лердъ (*) теперь на охотѣ съ своими друзьями?

—„Точно такъ Ваше Превосходительство! онъ на горахъ съ двумя Саксонами, Сиромъ Милесомъ Мусгравомъ и Христофоромъ Галломъ, которые оба прибыли изъ Кумрега (**); кажется такъ называютъ ту страну?

(*) Такъ называютъ въ Шотландіи начальниковъ втораго класса.

(**) Шотландскіе Монтаньяры даютъ Англичанамъ названіе Саксонъ или Сассенашей; Кумрегомъ же называли они Графство Кумберландъ.

—„Галлъ и Мусгравъ! сказалъ Ментеитъ взглянувъ на Андерсона, точно тѣ самые люди, которыхъ мы желали видѣть!

—„Что до меня касается, прервалъ Дональдъ, то я желалъ бы никогда ихъ не видать, потому, что они прiѣзжаютъ сюда только для того, чтобъ раззорять нашъ домъ.“

—„Что ты говоришь Дональдъ? ты никогда не былъ такъ скупъ какъ теперь ни на говядину, ни на пиво. Хотя они и Англичане: но вѣрно не въ состоянiи будутъ съѣсть всего скота, пасущагося на вашихъ горахъ?

—„Чортъ возьми! какая мнѣ нужда до того, что они ѣдятъ; хотя бы они сожрали все, что у насъ ни есть, и тогда мы не умерли бъ съ голоду; потому, что храбрыя Монтаньяры не заставятъ насъ ни въ чемъ терпѣть недостатка, пока найдется хотя одна корова или овца въ нижнихъ земляхъ. Я не объ этомъ говорю Ваше Превосходительство, а о закладѣ.“

— О закладѣ? повторилъ Лордъ Ментейтъ съ удивленіемъ.

—„Точно такъ, готовъ въ томъ поклясться,“ ска-

залъ Дональдъ, который имѣлъ столь же великое желаніе расказывать сію новость, сколько Лордъ Меншеитъ любопытствовалъ знать оную. „Такъ какъ Ваше Превосходительство другъ нашего дома, и чрезъ часъ на вѣрное все узнаете: то лучше будетъ, если я напередъ перескажу. Когда Лердъ поѣхалъ въ послѣдній разъ въ Англію, что случается съ нимъ чаще, нежели какъ желали бы того друзья его: то въ одинъ день обѣдалъ у Сиръ Милеса Мусграва, у коего на столѣ стояло шесть подсвѣшниковъ, о которыхъ говорятъ будто бы они въ двое болѣе находя-

щихся въ церкви Дюмбланка. Притомъ же Ваше Превосходительство, подсвѣшники сіи были не изъ мѣди и не изъ железа, а изъ прекраснаго серебра самой высокой пробы. Англичане стали биться объ закладъ, говоря Лерду: что въ бѣдномъ его отечествѣ не льзя было найти такихъ богатыхъ вещей! Лердъ разгорячился, захотѣлъ поддержать честь своего отечества, и поклялся, какъ истинный Шотландецъ, что даже въ собственномъ его замкѣ, болѣе находится подсвѣчниковъ и гораздо драгоцѣннѣйшихъ, какихъ и не видывали въ залахъ Кумрегскихъ. "

—„Славный патріотическій поступокъ! сказалъ Лордъ Ментеитъ.

—„Оно такъ, Ваше Превосходительство; но впрочемъ Лердъ гораздо бы лучше сдѣлалъ, если бъ на это время прикусилъ себѣ языкъ и не раскрывалъ рта. Ибо надобно знать, что если вы скажете Саксону про что нибудь необыкновенное; то онъ какъ разъ ударится объ закладъ, такъ же скоро, какъ, какъ кузнецъ подкуетъ лошадь! Лерду должно было — или отказаться отъ словъ своихъ, или держать пари въ двѣсти марокъ серебра: онъ рѣшился на послѣднее;

ибо ему стыдно показалось струсить передъ Саксонами. Но что теперь дѣлать? Это насъ весьма безпокоитъ, и я думаю даже, что отъ сего-то Лердъ такъ долго и не возвращается.“

—„Ну, братъ Дональдъ,“ сказалъ Лордъ Ментеитъ, „я помню вашу серебряную посуду; и весьма боюсь, чтобъ господинъ твой не проигралъ заклада.“

—„Вы боитесь! да въ этомъ можно побожиться! Но есть ли у него столько денегъ, чтобъ заплатить? Пусть перещупаетъ въ двадцати карманахъ, и того все будетъ не довольно. Я со-

вѣтовалъ ему посадить въ подземелье замка обѣихъ Саксоновъ и слугъ ихъ, и держать ихъ тамъ до тѣхъ поръ, пока они добровольно не уничтожатъ заклада; но онъ и слышать о томъ не хочетъ.

Вдругъ Алланъ всталъ, подошелъ къ столу и прервалъ разговоръ, сказавши Дональду грознымъ голосомъ:

—„Какъ ты смѣешь давать столь безчестные совѣты моему брату? и какъ осмѣлился сказать, что онъ проиграетъ этотъ, или какой бы то ни было закладъ?"

—„Конечно, Алланъ," от-

вѣчалъ старый слуга, „я не смѣю противорѣчить вашему братцу, и сердечно желаю, чтобъ онъ выигралъ закладъ; но чортъ возьми, если въ домѣ найдется хотя одинъ подсвѣчникъ, или что-нибудь на оный похожее, кромѣ двухъ старыхъ желѣзныхъ стѣнныхъ подсвѣчниковъ, которые вонъ тамъ прибиты у камина со временъ Лерда Кеннета, и двухъ оловянныхъ подсвѣчниковъ, заказанныхъ покойнымъ вашимъ родителемъ за тридцать лѣтъ тому назадъ, жестянику Вилли. Чтожъ касается до серебряной посуды: то чортъ возьми! если найдется какая другая вещь въ нашемъ

домѣ, кромѣ старинной чарки покойной вашей матушки, да и та также изломана."

—„Замолчи, старикъ," сказалъ Алланъ съ гордымъ видомъ: „а вы, господа, если кончили вашъ полдникъ, то пожалуйте въ другую комнату, потому что сію залу долженъ я приготовить для пріема нашихъ гостей Сассенашей."

— „Пойдемте отсюда," сказалъ Дональдъ Лорду Ментеиту, дергая его за рукавъ, и посмотрѣвъ на Аллана, „я уже сказалъ вамъ, что онъ въ припадкѣ; не надобно ему противорѣчить."

Лордъ Ментеитъ въ ту

же минуту всталъ изъ-за стола вмѣстѣ съ Капитаномъ. Старый Дональдъ проводилъ ихъ въ сосѣднюю залу; между тѣмъ, какъ слуги пошли въ кухню съ другими Монтаньярами.

ГЛАВА V.

Croyez-moi mes amis, mangeons
vite et long-temps.

Shakespeare.

Лишь только Лордъ Ментеитъ и товарищъ его вошли въ ту комнату, куда ихъ проводили, какъ господинъ замка Ангуръ Макъ Олай прiѣхалъ съ двумя своими друзьями. Тутъ послѣдовали взаимныя изъявленiя радости, ибо Графъ коротко былъ знакомъ съ

обѣими Англичанами. Капитанъ Далжетти, представленный Лордомъ Ментеитомъ, былъ весьма хорошо принятъ Лердомъ Макъ Оламъ; но когда всѣ пришли въ себя отъ удовольствія, произведеннаго симъ свиданіемъ: то Графъ замѣтилъ, что лице друга его Монтаньяра было пасмурно.

—,,Вы вѣрно уже знаете," сказалъ Христофоръ Галлъ, ,,что всѣ наши добрыя предпріятія въ Кумберландѣ остались безуспѣшны. Милиція наша не захотѣла вступить въ Шотландію, а сообщники Конвента въ Полуденныхъ провинціяхъ слишкомъ хитры, чтобъ можно

было что-нибудь тамъ говорить; и потому зная, что здѣсь есть занятіе, мы съ Мусгравомъ, вмѣсто того, чтобъ сидѣть дома сложа руки, пріѣхали сюда совершить съ вами кампанію."

—„Я надѣюсь, что вы привели съ собою солдатъ, а также привезли оружій, снарядовъ и денегъ," сказалъ Лордъ Меншеитъ съ улыбкою.

—„Всего только сорокъ человѣкъ; мы оставили ихъ въ сосѣдней деревнѣ," отвѣчалъ Сиръ Милесъ Мусграфъ; „да и тѣхъ не безъ труда убѣдили за собою слѣдовать."

—„Денегъ же," сказалъ его

шоварищъ, „у насъ очень не много; но мы надѣемся получить небольшую сумму оныхъ отъ любезнаго нашего хозяина.“

Лердъ покраснѣлъ, и отведши въ сторону Лорда Ментеита, сказалъ ему, что весьма спыдился признаться въ безумномъ закладѣ, которой сдѣлалъ. Онъ хотѣлъ уже войти въ подробности, какъ Графъ, едва удерживаясь отъ смѣху, сказалъ ему: „я уже объ этомъ знаю; Дональдъ мнѣ все разсказалъ!“

—„Чортъ побери стараго болтуна!“ вскричалъ Макъ Олай; „еслибъ жизнь чело-

вѣка была въ опасности, онъ и тогда не станетъ молчать! Но я знаю, Милордъ, что вы не сочтете дѣла сего шуткой, и надѣюсь, что будучи другомъ нашей фамиліи, согласитесь помочь мнѣ въ этомъ случаѣ, одолживъ меня частію той суммы, которую долженъ буду заплатить симъ Сассеннашамъ; ибо не скрою отъ васъ, что скорѣе соглашусь взять сторону круглоголовыхъ собакъ, нежели быть вмѣстѣ съ сими двумя Саксонами, не заплативъ имъ денегъ. Впрочемъ какъ бы я ни поступилъ, а все не избѣгну насмѣшекъ."

—„Вы сами должны знать, братецъ,“ сказалъ Лордъ Ментеитъ, „что теперь я имѣю съ собою только ту сумму денегъ, которая была мнѣ нужна. Однако же будьте увѣрены, что постараюсь помочь вамъ по нашему родству, сосѣдству и дружбѣ, сколько буду въ состояніи.“

—„Благодарю, чувствительнѣйше васъ благодарю!“ сказалъ Ангуръ, пожимая ему руку; „но впрочемъ такъ какъ этѣ деньги будутъ употреблены на службу Государя: то, что за нужда, изъ моего ли онѣ, или изъ вашего кармана? Мы всѣ дѣти одного отца,

какъ мнѣ кажется; однако же, если вы мнѣ не поможете въ этомъ случаѣ, то признаюсь вамъ, сей часъ поѣду вступить въ партію Конвента, потому что не могу перенести одной мысли сидѣть въ первомъ мѣстѣ за столомъ и быть сочтену за хвастуна, или за нищаго. Хотя клянусь Богомъ, я не имѣлъ другаго намѣренія, какъ только вступиться за честь своего отечества!"

Лишь только онъ кончилъ слова сіи, какъ Дональдъ вошелъ въ залу. Вмѣсто того, чтобъ быть пасмурнымъ и печальнымъ отъ мысли о закладѣ, который

господинъ его долженъ былъ заплатить, старый Монтаньяръ былъ очень веселъ и казался торжествующимъ: „господа," сказалъ онъ, „ужинъ готовъ;" потомъ, возвыся голосъ, съ выразительностію присовокупилъ: *„и подсвѣчники также поставлены."*

—„Что за дьявольщина!" сказалъ Мусграфъ, смотря на своего товарища: „что онъ хочетъ чрезъ это сказать?"

Лордъ Ментеитъ взорами сдѣлалъ тотъ же вопросъ Макъ Олаю; но сей послѣдній вмѣсто отвѣта съ унылымъ видомъ покачалъ головою.

Учтивый споръ о первенствѣ за столомъ, задержалъ ихъ нѣсколько минутъ; но Лордъ Ментеитъ сказавши, что онъ находится въ своемъ отечествѣ, у друзей и родственниковъ, — прекратилъ оный, уступивши мѣсто свое, на которое высокое достоинство его давало ему право. Такимъ образомъ Англичане первые вошли въ столовую, гдѣ поразило ихъ неожиданное зрѣлище: большой дубовой столъ, уставленный разнаго рода кушаньями, — занималъ средину комнаты; вокругъ онаго поставлены были стулья для гостей, а позади каждаго стула стоялъ Монтаньяръ высокаго

роста, съ головы до ногъ вооруженный и одѣтый по обыкновенію своего отечества. Всѣ они держали въ правыхъ рукахъ по обнаженной саблѣ, опустя концы оныхъ къ землѣ, а въ лѣвыхъ имѣли горящіе еловые факелы, изливавшіе яркій свѣтъ. (Это дерево, растущее въ мѣстахъ болотистыхъ, столь много заключаетъ въ себѣ смолы, что Монтаньяры, высушивъ и расколовъ оное, употребляютъ вмѣсто свѣчь).—Сіе неожиданное и новое зрѣлище еще казалось величественнѣе отъ красноватаго свѣта, разливаемаго пламенемъ факеловъ, который придавалъ еще болѣе выразительности

свирѣпымъ физіономіямъ, дикимъ чертамъ лицъ, странному костюму и блестящимъ оружіямъ Монтаньяровъ.

Прежде, нежели Англичане пришли въ себя отъ удивленія, Алланъ Макъ Олай подошелъ къ нимъ, и указывая на людей, державшихъ факелы, произнесъ важнымъ и торжественнымъ голосомъ: „вы видите, господа, подсвѣчники дому моего брата: они принадлежатъ древней нашей фамиліи, и каждый изъ сихъ людей не признаетъ другихъ законовъ, кромѣ повелѣній своего начальника. Не уже ли вы осмѣлитесь сравнить ихъ

съ самымъ чистѣйшимъ зо-
лотомъ, какое только мож-
но извлечь изъ рудника? —
Что скажете теперь, гос-
пода' выиграли ли вы, или
проиграли закладъ? "

—„Проиграли! проиграли!"
вскричалъ Сиръ Милесъ Мус-
графъ съ веселымъ видомъ,
„серебреные мои подсвѣчни-
ки уже расплавлены: они ѣз-
дятъ теперь верьхами на
лошадяхъ въ сосѣдней де-
ревнѣ. Желалъ бы, чтобъ
бездѣльники, коихъ я на-
нялъ весьма дорогою цѣною,
хотя бы въ половину стои-
ли сихъ храбрыхъ Монтань-
яровъ!—Мы сей часъ вамъ за-
платимъ, продолжалъ онъ,
обращаясь къ Макъ Олаю.

„Признаюсь, это пооблегчитъ нѣсколько мой и Галловъ кошелекъ; но мы обязаны заплатить сей долгъ, сопряженный съ нашею честію.“

„Проклятіе отца моего да поразитъ его сына,“ вскричалъ Алланъ, „если онъ возметъ отъ васъ хотя одну полушку! Довольно и того, что вы признаетесь побѣжденными и не имѣющими права ничего болѣе отъ него требовать.“

Лордъ Ментеитъ изъявилъ одинакое мнѣніе. Макъ Олай сказалъ, что все это дѣло было ничто иное, какъ глупость, которую должно

позабыть; а двое Англичанъ, не соглашавшись нѣсколько времени изъ учтивости почитать дѣла сего шуткою, наконецъ позволили убѣдить себя въ томъ.

—„Теперь, Алланъ," сказалъ Ангуръ Макъ Олай," „прикажи подсвѣчникамъ твоимъ выйти вонъ. Сіи господа ихъ уже видѣли, и вѣрно лучше желаютъ ужинать при свѣтѣ лампъ, нежели коптиться какъ окороки ветчины."

Алланъ далъ знакъ—и живыя подсвѣчники, сдѣлавъ саблями на плечо, удалились въ добромъ порядкѣ, оставя гостей нашихъ заниматься ужиномъ.

Хорошій аппетитъ Англичанъ вошелъ тогда въ Шотландіи въ пословицу; но Капитанъ Далжетти далеко превзошелъ ужасною своею обжорливостію тѣхъ, которые въ сіе время находились въ замкѣ Дарилинварахъ; не взирая на то, что онъ преизрядно покушалъ закуски, поданной во время ихъ пріѣзда.

Въ продолженіе ужина онъ не говорилъ ни одного слова; и тогда только, когда начали подавать десертъ, — сталъ изъяснять почтеннымъ собесѣдникамъ, удивлявшимся его подвигамъ: для чего ѣлъ онъ столь скоро, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ много.

— „Первую привычку," сказалъ онъ, „получилъ я въ школѣ Марешаля въ Аберденѣ, когда сидя за столомъ возлѣ раздававшаго кушанье, и работая челюстьми столь поспѣшно, какъ парою кастаньетъ: — я вскорѣ принужденъ былъ оставаться въ бездѣйствіи. Чтожъ касается до второй, то почтенные господа сами должны знать, что Комендантъ крѣпости обязанъ всегда, если имѣетъ случай, столько запасать съѣстныхъ припасовъ и снарядовъ, сколько можетъ помѣститься оныхъ въ его магазинахъ, чтобъ предохранить себя отъ голода во время осады или

блокады. По сему-то правилу всякой солдатъ, видящій изобиліе съѣстныхъ припасовъ, весьма благоразумно сдѣлаетъ, если запасется оными по крайней мѣрѣ на три дни, чтобъ предохранить себя отъ будущаго недостатка."

Ангуръ Макъ Олай сказалъ, что это разсужденіе весьма справедливо, и приказалъ управителю Дональду прибавить къ съѣстнымъ припасамъ, коими Капитанъ уже снабдилъ свои магазины, бутылку вина и нѣсколько рюмокъ водки; отъ чего Далжетти ни мало не думалъ отказаться. Когда ужинъ кончился то всѣ слуги

удалились, кромѣ пажа Лерда, оставшагося за стуломъ своего господина, чтобъ получать приказанія гостей, и приносить имъ всего того, чего они захотятъ: однимъ словомъ, чтобъ служить вмѣсто звонка, потому что изобрѣтеніе онаго не было еще тогда извѣстно. Разговоръ зашелъ о политикѣ и внутреннемъ положеніи Шотландіи. Лордъ Ментеитъ спросилъ: можно ли было надѣяться, чтобъ большое число начальниковъ соединилось съ друзьями Короля?

—„Прежде надобно знать, кто воздвигнетъ знамя," сказалъ Ангуръ, „ибо отъ

этаго все зависитъ? — Вы сами знаете, Милордъ, что насъ Монтаньяровъ не легко заставить повиноваться полководцу, избранному между нами, и что первымъ встрѣтившимся начальникомъ, котораго избираемъ, мы не всегда бываемъ довольны. Правда, увѣряютъ, что Колкитто, то есть, молодой Колкитто, или Аластеръ Макъ Дональдъ, сдѣлалъ высадку, начальствуя корпусомъ Ирландскихъ войскъ изъ Графства Антрима, и уже прибылъ въ Арднамурханъ: ему бы давно должно быть здѣсь; но я предполагаю, что онъ занимается теперь грабежемъ

тѣхъ провинцій, чрезъ которыя проходитъ."

—„Ну! чтожъ сказалъ Лордъ Ментейтъ, не уже ли Колкитто не можетъ быть вашимъ начальникомъ?

—„Колкитто! вскричалъ Алланъ Макъ Олай съ презрительнымъ видомъ." Кто говоритъ о Колкитто? только одинъ человѣкъ существуетъ на свѣтѣ, котораго мы можемъ признать за начальника, и этотъ человѣкъ есть Монтрозъ!

—„Но вы забыли государь мой, сказалъ сиръ Милесъ Мусгравъ, что о Мон-

трозѣ ничего не слышно съ тѣхъ поръ, какъ неудалось ему собрать ополченіе, которое хотѣли составить въ Кумберландѣ. Предполагаютъ даже, что онъ возвратился въ Оксфордъ, для полученія новыхъ Королевскихъ повелѣній."

—„Въ Оксфордъ! сказалъ Алланъ съ презрительною улыбкою," я могъ бы вамъ сказать, гдѣ онъ находится въ сію минуту: но это узнаютъ скоро."

—„По чести, Алланъ, сказалъ Лордъ Ментеитъ, вы всего дня въ самомъ мрачномъ расположеніи духа;

но я знаю тому причину,“ прибавилъ онъ улыбаясь: „это отъ того, что вы съ самаго утра не видали Аннету Лиль!

—„Кого—говорите вы, я не видалъ? спросилъ Алланъ поспѣшно.

—„Аннету Лиль, милую игрицу на арфѣ, юную царицу менестрелей.“

—„Дай Богъ, чтобъ я никогда не видалъ ее, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ приговоръ сей произнесенъ былъ также и надъ вами!

—„Для чего жъ надо мною? спросилъ графъ съ равнодушіемъ.

—„Для того, что на челѣ вашемъ написано, что вы будете причиною взаимной вашей погибели!“ сказалъ Алланъ, и вставъ изъ-за стола, вышелъ изъ комнаты.

—„Давно ли онъ въ припадкѣ? спросилъ Лордъ Ментеитъ Макъ Олая.

—„Около трехъ дней,“ отвѣчалъ сей послѣдній; „но припадокъ почти совсѣмъ прошелъ и завтра ему будетъ лучше. Однакоже господа, стаканы ваши пусты! выпьемъ за здоровье Короля, и пусть круглоголовая собака, которая откажется пить за

оное, отправится къ чорту прямо изъ Грасъ Маркета (*)!

Стаканы въ одну минуту были налиты и выпиты; потомъ предложили другіе тосты, внушенные духомъ партіи. Капитанъ Дялжетти не пропускалъ ни одного, но ему вздумалось при семъ случаѣ сдѣлать не большое возраженіе.

—„Господа, сказалъ онъ, я съ удовольствіемъ пью всѣ сіи тосты, во первыхъ изъ уваженія къ почтен-

(*) Мѣсто казни въ Эдимбургѣ.
Приль. Пер.

ной кампаніи: во вторыхъ изъ благодарности за гостепріимство, какое мнѣ здѣсь оказываютъ, и наконецъ потому, что мнѣ совсѣмъ не слѣдуетъ строго наблюдать нравоученія inter pocula; но впрочемъ объявляю, что по условію, заключенному мною съ симъ почтеннымъ Лордомъ, я властенъ не взирая на сей долгъ учтивости, завтра же вступить въ партію Конвента, если только мнѣ вздумается "

Макъ Олай и Англичане нахмурили брови, услыша сіе объявленіе! и оно моглобъ причинить непріятныя послѣдствія, если бъ

Лордъ Ментеитъ не поспѣшилъ разсказать, какимъ образомъ повстрѣчался съ Далжеттіемъ, и что между ими происходило.

—„Однако же я надѣюсь, прибавилъ онъ, что мы успѣемъ склонить капитана, къ вступленію въ службу нашей партіи.“

—„А въ противномъ случаѣ, сказалъ Макъ Олай, я объявляю подобно капитану: что ни хлѣбъ, ни соль, которые онъ ѣлъ въ моемъ домѣ; ни водка, ни вино имъ выпитые; ни то даже, что происходило между нами симъ вечеромъ, не воспрепятствуетъ мнѣ раз-

рубить ему голову до самыхъ плечь."

—,,Согласенъ, отвѣчалъ капитанъ, если только моя сабля не защитить ее, такъ какъ она уже не одинъ разъ сіе дѣлала и въ большихъ опасностяхъ, нежели какой я теперь подвергнусь сразившись съ вами!"

Посредничество Лорда Ментеита прекратило ссору, и миръ не безъ труда возстановленный, утвержденъ былъ новыми возліяніями.

Графъ первый всталъ изъ за стола, и жалуясь на усталость отъ дороги,

просилъ позволенія лечь спать, прежде нежели обыкновенно ложились въ замкѣ. Капитанъ послѣдовалъ его примѣру, хотя и не безъ сожалѣнія, потому, что изъ числа привычекъ, пріобретенныхъ имъ въ Голландіи, не послѣдняя была — выпивать необычайно много пива, вина и другихъ крѣпкихъ напитковъ, не чувствуя отъ того ни малѣйшаго отягощенія.

Макъ Олай самъ проводилъ гостей своихъ въ спальню, сдѣланную на подобіе галлереи. Въ ней стояла кровать съ четырьмя столбиками и съ занавѣсомъ изъ шартана, а

вдоль всей стѣны сдѣланы были кровати изъ досокъ, сколоченныхъ вмѣстѣ на подобіе ящиковъ, изъ коихъ три, наполненныя мохомъ, и покрытыя простынями и одѣялами, приготовлены были для капитана и для слугъ Графа.

—„Вамъ извѣстны наши домашнія обыкновенія,“ сказалъ Макъ Олай Лорду Ментеиту, отведя его въ сторону: но не желая оставлять васъ однихъ съ симъ Нѣмецкимъ Пандуромъ, я рѣшился положить слугъ вашихъ въ одной съ вами комнатѣ. Сущая истинна, Милордъ, что въ наши времяна ляжешь спать

здоровъ и цѣлъ, а къ утру и не увидишь какъ у тебя перерѣжутъ горло!"

—„Я весьма много вамъ благодаренъ, сказалъ Лордъ Ментеитъ; ибо вы все сіе сдѣлали, какъ я самъ желялъ. Не потому, чтобъ я имѣлъ причину опасаться какого либо наглаго поступка со стороны капитана Далжеттія; но Андерсонъ имѣетъ всю мою довѣренность; онъ малой умной, и я люблю всегда быть вмѣстѣ съ нимъ."

—„Я не замѣтилъ этяго Андерсона, сказалъ Ангуръ. Вѣрно въ Англіи приняли вы его къ себѣ въ услуги?

—„Такъ точно: отвѣчалъ Графъ: завтра вы его увидите, а теперь позвольте пожелать вамъ спокойной ночи.“

Макъ Олай пожалъ ему руку обратился къ капитану, чтобъ сдѣлать и ему обыкновенное привѣтствіе; но сей послѣдній нашедши на столѣ штофъ водки, весьма внимательно онымъ занялся. Почему Лердъ, не желая помѣшать ему въ столь похвальномъ упражненіи, ушелъ безъ всякой церемоніи.

ГЛАВА VI.

„Dès ses plus jeunes ans, farouche
et volontaire,
„Il faisoit devant lui trembler son
propre père.
„Nul frein ne l'arrêtoit, on eût
dit qu'en son coeur
„Il ne pouvoit entrer que venge-
ance et fureur."

Spenser.

Слуги Лорда Ментеиша вошли въ шу минушу, какъ Макъ Олай удалился. Храбрый капишанъ слишкомъ

обремѣнившій себя пищею, нашелъ затрудненіе растегнуть пряжки своей кирасы: почему и обратился къ Андерсону съ слѣдующими словами, прерываемыми нѣсколько разъ икотою.

—„Любезный другъ Андерсонъ, ты можешь прочесть въ Святомъ писаніи, что тотъ, кто снимаетъ съ себя латы, не столько долженъ величаться, сколько тотъ, который ихъ надѣваетъ; но мнѣ кажется это несправедливо! то только сущая правда, что я долженъ буду спать въ своей кирасѣ, подобно многимъ честнымъ людямъ, заснувшимъ вѣчнымъ сномъ,

если ты не въ состояніи будешь растегнуть мнѣ этой пряжки?“

—„Разтегни ему кирасу, Сиббальдъ, сказалъ Андерсонъ другому слугѣ.

—„Клянусь Святымъ Андрѣемъ! вскричалъ капитанъ посмотрѣвъ на Лорда Ментеиша съ удивленіемъ; вотъ какой чудакъ! этотъ бездѣльникъ носитъ ливрею и достаетъ себѣ можетъ быть только четыре ливра въ годъ, а почитаетъ себя большимъ бариномъ, и не хочетъ оказать услугу Ротмистру Дюгальду Далжетти Друмтваккету, который учился въ школѣ

Марешаля въ Аберденѣ и былъ въ службѣ почти у всѣхъ Европейскихъ Государей!

—„Капитанъ," сказалъ Графъ, который казалось всегда долженъ былъ играть ролю примирителя, „надобно вамъ знать, что я нанялъ Андерсона съ условіемъ, чтобъ онъ служилъ только одному мнѣ. Но если хотите, я самъ съ удовольствіемъ помогу Сиббальду снять съ васъ кирасу."

—„Нѣтъ, Милордъ, вскричалъ Далжетти, я не потерплю, чтобъ вы приняли на себя этотъ трудъ. Впрочемъ не худо умѣть

скидать и надѣвать хорошую кирасу! Моя же такъ легко надѣвается и скидается, какъ перчатка. Только сего дни вечеромъ, хотя я еще и не совершенно ebrius, однакоже по школьному выраженью нахожусь vinoqve ciboque gravatus.

Въ это время Сиббальдъ освободилъ его отъ кирасы, и Далжетти усѣлся передъ каминомъ съ тѣмъ, чтобъ разсуждать съ важностью пьянаго о вечернихъ происшествіяхъ. Характеръ Аллана Макъ Олая особенно занималъ его: „какъ онъ хитро посту-

пилъ," сказалъ капитанъ, „замѣнивши шесть серебряныхъ подсвѣчниковъ двенадцатью рослыми санкюлотами! какая славная военная хитрость! и при всемъ томъ его почитаютъ дуракомъ! объ этомъ должно, Милордъ, хорошенько подумать; и невзирая на честь какую онъ имѣетъ доводясь родственникомъ Вашему Превосходительству, надобно непремѣнно рѣшить, палкою ли я могу удовлетворить себя за обиду, имъ мнѣ нанесенную, или предложить ему поединокъ на сабляхъ или пистолетахъ, какъ человѣку, одаренному разсудкомъ?"

—„Теперь уже нѣсколько поздно, отвѣчалъ Лордъ Ментеитъ; но если вы хотите выслушать длинную повѣсть: то я докажу вамъ, что обстоятельства рожденія Аллана, одни уже достаточны къ изясненію необыкновеннаго его характера. И вы согласитесь тогда, что не должны требовать отъ него никакого удовлетворенія."

—„Длинная повѣсть, Милордъ, послѣ бутылки водки — есть наилучшая вещь на свѣтѣ, потому что произведетъ пріятный сонъ; и такъ если Ваше Превосходительство примете на себя трудъ разсказать сіе,

то я готовъ слушать со всевозможнымъ терпѣніемъ и вниманіемъ.

—„ Андерсонъ, “ сказалъ Лордъ Ментеитъ , „и ты также Сиббальдъ, подойдите сюда и сядьте у огня. Не безполезно будетъ и васъ познакомить съ Алланомъ, чтобы вы знали какъ съ нимъ обращаться въ разныхъ отношеніяхъ , которыя по необходимости должны будете имѣть съ нимъ.“

Увѣрившись такимъ образомъ въ слушателяхъ, Лордъ Ментеитъ сѣлъ на край своей постели, противъ камина, подлѣ коего помѣстились также и двое слугъ его; меж-

душѣмъ какъ Капишанъ, обтерши усы свои, омоченные водкою, и прочитавши первый стихъ люшеранскаго псалма Alle guter geister loben der herrn, погрузился въ одну изъ приготовленныхъ постелей, гдѣ слушалъ Графа въ самомъ блаженномъ состояніи въ полупросонкахъ.

„Отецъ двухъ брашьевъ Ангуря и Аллана Макъ Олаевъ," сказалъ Лордъ Меншеишъ, „былъ человѣкъ отличный, благородный и начальникъ одного племяни Моншаньяровъ. Онъ женился на дѣвицѣ изъ знашной фамиліи, если только дозволите мнѣ шакъ сказашь, по-

тому, что она была мнѣ родственница. Братъ жены его, молодой человѣкъ храбрый и предпріимчивый, выпросилъ у Короля Іякова VI. достоинство хранителя Королевскихъ лѣсовъ, простиравшихся на великомъ разстояніи вокругъ его замка. Исполняя свои обязанности, онъ имѣлъ нещастіе ссориться весьма часто съ горными Флибустирами, о которыхъ и вы капитанъ, вѣроятно слыхали?"

—,,Конечно," сказалъ Капитанъ, дѣлая усиліе, чтобъ отвѣчать: ,,когда я не вышелъ еще изъ школы Марешаля въ Аберденѣ: то

Дюгальдъ Гарръ и Фаркарсонъ производили уже чортъ знаетъ что въ Гаріошѣ и Деѣ; а Гранты и Камероны грабили земли Мораевъ и Гордоновъ. Послѣ того я видѣлъ Кроатовъ въ Панноніи, Пандуръ въ Трансилваніи, козаковъ на границахъ Польши, и наконецъ разбойниковъ и бандитовъ во всѣхъ Европѣйскихъ странахъ: слѣдовательно могу себѣ представить и вашихъ горныхъ Санкюлотовъ."

—,, Племя, съ которымъ дядя Макъ Олаевъ по матери, былъ въ ссорѣ," продолжалъ Лордъ Ментеитъ, " было не иное что,

какъ шайка разбойниковъ, называвшихся *дѣтьми нощи*; потому, что они почти всегда избирали время сіе, для произведенія своихъ грабительствъ. Они были люди дикіе и необразованные, не имѣвшіе постоянныхъ жилищь, и безпрестанно скитавшіеся по горамъ; будучи жертвою страстей, какимъ предаются люди необразованные, снѣдаемые жаждою мщенія. Они наблюдали за каждымъ шагомъ нещастнаго хранителя лѣсовъ, застали его нечаянно одного на охотѣ и умертвили со всею утонченностью замысловатой жестокости. Отрубивши ему потомъ голову, они

разсудили изъ хвастовства отнести ее въ замокъ его зятя. Лердъ былъ тогда въ отсудствіи, но супруга его, не смѣя ихъ не впустить къ себѣ въ домъ, отдала приказаніе угостить ихъ.

Госпожа сія, вышла на минуту изъ комнаты въ то время, какъ разбойники сидѣли за столомъ; тогда взявши голову ея брата, которую принесли съ собою завернутую въ плащѣ, они положили оную на столъ, всунули ей въ ротъ кусокъ хлѣба; говоря съ жестокою насмѣшкою, что она не ѣвши цѣлые сутки вѣрно проголо-

далась!" и это былъ первый предмѣтъ, поразившій взоры нещастной сестры, когда она отворила двери, чтобъ войти къ нимъ. Испустивши ужасный крикъ, она выбѣжала съ быстротою стрѣлы, пущенной изъ лука, и скрылась въ густотѣ лѣса.

Разбойники удовольствованные варварскимъ торжествомъ своимъ, удалились не сдѣлавъ никакого другаго насилія. Лишь только слуги пришли въ себя отъ испуга, то немедлѣнно стали повсюду искать нещастную госпожу свою; но нигдѣ не могли найти. Мужъ ея возвращась на

другой день, сталъ дѣлать новые тщательнѣйшіе поиски; нарядилъ къ тому всѣхъ своихъ вассаловъ, но не былъ щасливѣе. Всѣ вообще думали, что въ первомъ движеніи ужаса и отчаянія, она бросилась съ высоты скалъ въ глубокое озеро, бывшее на одну милю разстояніемъ отъ замка. Сія потеря тѣмъ болѣе достойна была сожалѣнія, что госпожа сія нѣсколько уже мѣсяцовъ была беременна; за два же года до сего она родила Ангура. — Но я васъ утомляю, капитанъ, кажется вы хотите спать?"

—„Никакъ, отвѣчалъ онъ, совсѣмъ нѣтъ, съ закры-

тыми глазами я лучше слышу. Эту привычку получилъ я находясь часто въ караулѣ."

—„Я готовъ поручиться," сказалъ тихо Лордъ Мантеитъ Андерсону, „что алебарда сержанта, обходящаго рундомъ не однажды заставляла его открывать ихъ."

Но вѣроятно имѣя желаніе расказывать, молодой Графъ продолжалъ свое повѣствованіе обращаясь къ Андерсону; и ни мало не заботясь о томъ: спалъ ли капитанъ, или бодрствовалъ.

—„Всѣ начальники той

страны поклялись отмстить за сіе ненавистное преступленіе. Они вооружились вмѣстѣ съ братьями и сродниками нещастнаго, который былъ умерщвенъ; и вѣроятно поступали съ дѣтьми нощи съ такимъ же варварствомъ, какое оказали сіи послѣдніе. Семнадцать головъ, кровавые трофеи мщенія, были раздѣлены между союзниками, и воткнутые надъ воротами ихъ замковъ служили пищею хищнымъ птицамъ. Остатокъ же сего племяни разсѣялся, и искалъ убѣжища между неприступными утесами, въ отдаленной странѣ. "

— „На право кругомъ,

контрмаршъ и на мѣсто!“ вскричалъ Далжетти;“ я для того говорю, „прибавилъ онъ, „чтобъ доказать вамъ, что васъ слушаю: продолжайте, я не пропущу ни одного слова!“

—„Лѣтомъ есть обыкновеніе,“ продолжалъ Лордъ Ментеитъ, „пасти коровъ въ долинахъ; а утромъ и вечеромъ молодые деревенскіе дѣвки ходятъ туда доить ихъ. Нѣсколько мѣсяцовъ спустя послѣ ужаснаго происшествія, о которомъ я сей часъ говорилъ, служанки фамиліи Макъ Олаевъ, занимаясь сею должностью, примѣтили въ нѣкоторомъ отъ

себя разстояніи на опушкѣ лѣса, блѣдную и сухощавую человѣческую фигуру, которая казалась наблюдавшею всѣ ихъ движенія. Это была полунагая женщина, весьма походившая на госпожу ихъ. Нѣкоторые испугались и думали, что имъ явилась тѣнь ея; но другіе, бывтіе посмѣлѣе подошли къ ней съ тѣмъ, чтобъ разсмотрѣть ее вблизи, но лишь только она увидѣла, что они приближаются, то поспѣшно ушла въ самую густоту лѣса, куда никто не смѣлъ за нею слѣдовать.

„Мужъ, увѣдомленный о семъ явленіи ни мало не

сомнѣвался, чтобъ это не была нещастная жена его; и потому принявъ должныя мѣры, онъ открылъ мѣсто ея убѣжища, и взялъ ее; но она совершенно лишена была разсудка. Никогда не могла она описать, какъ жила цѣлые четыре мѣсяца, въ которые продолжалось ея отсудствіе. Вѣроятно она питалась кореньями и дикими плодами, а можетъ быть даже и молокомъ коровъ, къ которымъ ночью могла приближиться не будучи никѣмъ видима. Но народъ любящій все чудесное, предполагалъ, что она питаема была волшебницами.

„Мѣсяцъ спустя послѣ возвращенія ея къ мужу, она родила другаго сына, котораго назвали Алланомъ. Дитя не только ничего не потерпѣло отъ физическихъ бѣдствій, перенесенныхъ его матерью; но даже казалось необыкновенно сильнымъ и здоровымъ. Нещастная мать его послѣ родовъ пришла нѣсколько въ разсудокъ; но никогда не могла возвратить ни здоровья, ни веселости. Только одинъ видъ Аллана могъ причинять ей нѣкоторое чуство удовольствія, она ни на минуту не оставляла его, и безъ сомнѣнія внушила ему въ самомъ нѣжномъ дѣтствѣ,

часть тѣхъ суевѣрныхъ мыслей, къ которымъ онъ весьма былъ склоненъ, имѣя отъ природы мрачный и меланхолическій характеръ. Ему было около семнадцати лѣтъ, когда она умерла. При послѣднихъ своихъ минутахъ она пожелала имѣть съ нимъ тайный разговоръ; вѣроятно для того, чтобъ заставить его поклясться въ вѣчномъ мщеніи противъ дѣтей нощи; что въ послѣдствіи онъ въ точности и произвелъ въ дѣйствіе.

„Въ это время навыки Аллана Макъ Олая совершенно перемѣнились. Прежде онъ былъ вѣрнымъ со-

бесѣдникомъ своей матери, слушалъ ея мечтанія, расказывалъ ей свои собственныя, присоединяя къ пылкому воображенію, все помѣшательство которое царствовало въ разумѣ его матери. Слѣдствіе ли такого воспитанія, или разстройство разсудка матери подѣйствовало надъ разумомъ его при самомъ рожденіи, только онъ принялъ всѣ предразсудкиМонтаньяровъ; и съ самаго дѣтства бывалъ въ припадкѣ сумасшествія, во время котораго ничего не дѣлалъ такого, что дѣлаютъ люди. Онъ былъ мраченъ, молчаливъ; говорилъ отрывисто, и тогда почитали его вдох-

новеннымъ и имѣющимъ даръ предвидѣнія (*). Видъ его былъ робкій, суровый и смущенный; онъ любилъ ходить по лѣсамъ одинъ; избирая самыя уединенныя убѣжища, трепеталъ и удалялся когда дитя одинакихъ съ нимъ лѣтъ хотѣлъ

(*) Не только сіи Монтаньяры, но даже и Сѣверные Шотландцы думали, что существуютъ люди, имѣющіе даръ предвидѣнія: т. е. что они могли видѣть то, что въ настоящее время происходило въ мѣстахъ самыхъ отдаленнѣйшихъ, а также предвѣщать и будущее. Сей предразсудокъ и теперь еще не совсѣмъ искоренился.

Прим. Пер.

къ нему приближиться. Хотя я былъ моложе его нѣсколькими годами, когда отецъ мой привезъ меня однажды сюда; однако же помню, что онъ съ гордостью отвергъ всѣ мои ласки, и никакъ не захотѣлъ быть участникомъ въ играхъ, свойственныхъ дѣтямъ Такимъ же образомъ Алланъ поступалъ и съ братомъ своимъ. Отецъ его не однажды жаловался моему отцу на мрачный и задумчивый характеръ своего сына; и чуствуя, что безпрестанное пребыванiе его у матери, способствовало къ укорененiю въ немъ сихъ расположенiй: онъ не могъ рѣшиться отнять у

ней сего послѣдняго удовольствія, тѣмъ болѣе, что оно казалось укрощало нѣсколько жестокій припадокъ, которому она была подвержена.

„Но такъ, какъ я сей часъ вамъ сказалъ, по смерти матери, Алланъ совершенно перемѣнился. Правда, что онъ по прежнему остался важнымъ и задумчивымъ, бывалъ часто разсѣянъ и молчаливъ; но однако же иногда искалъ сообщества молодыхъ людей своего племяни, которыхъ до сего времяни убѣгалъ. Принималъ участіе во всѣхъ ихъ упражненіяхъ и скоро необыкновенною своею силою

и ловкостью, превзошелъ даже тѣхъ юношей, которые были его старѣе. Онъ заставилъ людей, до сего времени его презиравшихъ, если не любить себя: то по крайней мѣрѣ бояться; и вмѣсто того, чтобъ почитать Аллана за изнѣженнаго робенка, слабаго по разуму и понятію, товарищи жаловались на него, что въ борьбѣ и во всѣхъ играхъ, въ которыхъ нужно было показать тѣлѣсную силу, онъ часто забывалъ, что это была только забава, и дѣйствовалъ съ такою горячностью, которая игры сіи превращала въ настоящія ссоры.

„Сила его и дѣятельность весьма умножились, когда достигъ онъ 19 года. Въ этомъ возрастѣ характеръ его сдѣлался совершенно независимымъ; онъ не могъ сносить ни малѣйшаго противорѣчія, и сія новая перемѣна причинила новыя безпокойства отцу его. Часто Алланъ проводилъ въ лѣсу цѣлые дни и ночи, подъ предлогомъ охоты; однако же не всегда приносилъ оттуда добычу. Отецъ его тѣмъ болѣе безпокоился, что дѣти нощи опять появились въ окрестностяхъ, и что опасаясь раздражить ихъ, почли благоразумнымъ на нихъ не нападать. Опасность, какой могъ подверг-

рушься Алланъ встрѣтившись съ сими разбойниками, была источникомъ непрестанныхъ боязней.

,,Вскорѣ случилось важное происшествіе, котораго должно было впрочемъ ожидать. Однажды въ бытность мою въ замкѣ, я возвратился туда поздно вечеромъ, тщетно искавши Аллана въ окрестныхъ лѣсахъ, куда пошелъ онъ еще до восхожденія солнца Ночь была мрачная и ненастная. Отецъ весьма симъ встревоженный, хотѣлъ уже послать для поисковъ отрядъ Монтаньяровъ, какъ вдругъ въ то время какъ мы сидѣли за ужиномъ, дверь отворилась

и Алланъ вошелъ съ торжественнымъ, гордымъ и самодовольнымъ видомъ. Неприступный его храктеръ и времянное заблужденіе разсудка, столько имѣли вліянія на отца его, что онъ не смѣлъ оказать ему не малѣйшаго знака неудовольствія. Онъ сказалъ ему только, что я былъ нѣсколько времяни въ лѣсу и застрѣлилъ тамъ прекрасную лань, и что какъ кажется, онъ, будучи тамъ цѣлый день ничего съ собою не принесъ.

—,,Вы такъ думаете? спросилъ Алланъ съ надмѣннымъ видомъ.“ Я принесъ собою нѣчто такое, что вамъ докажетъ противное.

„Тутъ мы замѣтили, что руки его и плащье обагрены кровью, и съ нетерпѣніемъ ожидали развязки сихъ таинственныхъ словъ. Алланъ развернулъ полу плаща своего и покатившъ по столу окровавленную человѣческую голову, которая казалось только что была отсѣчена, сказалъ: „никакая лань не можетъ съ симъ сравняться!"

„По бородѣ, рыжимъ волосамъ, нѣсколько посѣдѣвшимъ отъ лѣтъ, и извѣстнымъ чертамъ лица, не много измѣнившимся отъ смертной блѣдности, Ангуръ, отецъ его и друзья ихъ, тутъ бывшіе, признали оную за голову на-

чальника дѣтей нощи, разбойника, страшнаго по своей силѣ, храбрости и жестокости, который принималъ самое дѣятельное участіе въ убійствѣ злополучнаго хранителя лѣсовъ, и имѣлъ щастіе спастись отъ смерти, которой преданы были многіе изъ его товарищей. Мы всѣ какъ вы можете себѣ вообразить, поражены были удивленіемъ; но Алланъ отказался удовлетворить нашему любопытству, и не хотѣлъ сказать намъ никакихъ подробностей о своемъ съ нимъ сраженіи. Однако же намъ легко было судить, что Алланъ умертвилъ врага своего послѣ храбраго его

сопротивленія, ибо примѣтили, что онъ получилъ многія раны, хотя ни одна изъ нихъ не была опасна.

„Всѣ мѣры были приняты, чтобъ предохранить его отъ мщенія сихъ бандитовъ; но ни раны, ни рѣшительныя приказанія отца, ни даже запираніе дверей его комнаты: ничто не могло воспрепятствовать ему преслѣдовать людей, которыхъ вражды долженъ былъ страшиться. Каждый день находилъ онъ какое нибудь средство скрываться отъ бдительности отца своего, и не одинъ разъ выходилъ изъ замка среди ночи въ окно своей комнаты. Онъ принесъ еще многія головы

дѣтей нощи; и разбойники, не взирая на свою свирѣпость, устрашились наконецъ его отважности и непримиримой ненависти, съ какою онъ отыскивалъ ихъ въ самыхъ сокровеннѣйшихъ убѣжищахъ. Такъ какъ Алланъ всегда во всѣхъ встрѣчахъ съ ними одерживалъ верьхъ: то сіи суевѣрные люди заключили изъ того, что онъ умѣлъ заколдовать себя и сдѣлаться неуязвляемымъ, или, что жизнь его была подъ покровительствомъ какого нибудь сверхъестественнаго существа. Они говорили, что ни сабля, ни пуля, ни кинжалъ, не могли причинить ему никакого вреда. Вскорѣ до

шого дошло, что одинъ звукъ его голоса, или рога, могъ обрашить въ бѣгство полъдюжины сихъ бездѣльниковъ."

„Однако же они опять принялись за разбой; и особенно нападали на Макъ Олаевъ, родственниковъ ихъ и друзей, которымъ причиняли всевозможное зло, какое только были въ состоянiи сдѣлать; и такимъ образомъ надлежало снарядить противъ ихъ племяни новый кросповой походъ, въ которомъ и я принялъ дѣятельное участіе. Мы завладѣли всѣми дефилеями: и такъ сказать заперши ихъ со всѣхъ сторонъ, напали на нихъ съ

желѣзомъ въ рукахъ не щадя ни кого: все предано было огню и мечу; старики, женщины и самые дѣти не избѣгли сего страшнаго мщенія; и это племя почти на голову было истреблено.

,,Маленькая семи или осьми лѣтняя дѣвочка, прелестная какъ амуръ, надъ которою Алланъ вознесъ уже кинжалъ свой, была пощажена по усильной моей просьбѣ. Онъ увезъ ее въ замокъ отца своего, гдѣ она и воспитана подъ имянемъ Аннеты Лиль; и ни одна изъ прелестныхъ Фей, описываемыхъ въ древнихъ романахъ, которыя танцовали на лугу при лунномъ свѣтѣ, не можетъ сравнять-

ся съ нею въ красотѣ. Нѣсколько времяни видъ ея былъ несносенъ для Аллана; но въ одинъ прекрасный день, онъ вообразилъ себѣ, судя можетъ быть помилымъ чертамъ лица ея, что она непроисходила отъ ненавистной крови его непріятелей, и что похищена ими въ дѣтствѣ своемъ, во время котораго нибудь изъ ихъ набѣговъ: это обстоятельство правдоподобно; но Алланъ вѣритъ оному какъ Евангелію. Съ того времяни онъ полюбилъ ее; съ восхищеніемъ слушаетъ, когда она играетъ на арфѣ, и увѣренъ, что Аннета столь искусна на семъ инструментѣ, что не су-

ществуетъ никого въ нашемъ отечествѣ, кто бы могъ въ томъ превзойти ее. Въ припадкахъ мрачной меланхоліи, которымъ Алланъ часто подверженъ, одинъ звукъ Аннетиной арфы достаточенъ, чтобы извлечь его изъ оныхъ; и въ этомъ случаѣ онъ походитъ на древняго Царя, славнаго у Іудеевъ. Характеръ сей молодой дѣвицы столько любезенъ, невинность и веселость ея столько имѣютъ прелестей, что здѣсь почитаютъ ее не за предмѣтъ благотворительности господина замка; но за сестру его. И въ самомъ дѣлѣ увидя ее нельзя не полюбить, такъ она

жива, кротка, мила и не принуждена!"

— „Остерегитесь Милордъ," сказалъ Андерсонъ улыбаясь; „такіе похвалы опасны. По описанію, какое вы сдѣлали объ Алланѣ Макъ Олаѣ, онъ такой соперникъ, котораго должно бояться."

— „Правда, правда!" сказалъ Лордъ Ментеитъ, смѣясь и краснѣя въ одно время. „Но любовь есть такая страсть, къ которой сердце Аллана не сродно; что жъ до меня касается," прибавилъ онъ съ важнымъ видомъ, „то неизвѣстное происхожденіе Аннеты Лиль, никогда не дозволитъ мнѣ имѣть на щетъ ея честныя

виды, а невинность ея и добродѣтель воспрепятствуютъ мнѣ имѣть другіе."

—,,Вы говорите какъ слѣдуетъ человѣку вашего достоинства. Но надѣюсь, что вы будете продолжать сію занимательную исторію?"

—,,Она почти уже кончена: должно прибавить только, что сила и храбрость Аллана, твердый и рѣшительный его характеръ и всѣми вообще принятое мнѣніе, что во время мрачнаго расположенія духа, онъ вдохновенъ бываетъ сверхъестественными существами и можетъ предсказывать будущее, заставляютъ все его пле-

мя оказывать ему большее почтеніе и отличіе, нежели самому его брату, который хотя и исполненъ чести и мужества, однакоже не имѣетъ тѣхъ качествъ, кои могли бы дать ему преимущество предъ Алланомъ въ умахъ его вассаловъ.“

—„Такіе характеры всегда производятъ большое дѣйствіе въ людяхъ столь непросвѣщенныхъ и суевѣрныхъ, каковы Монтаньяры. Намъ надобно увѣриться въ добромъ расположеніи къ себѣ Аллана. Съ одной стороны его храбрость, а съ другой даръ предвидѣнія....“

—„Тсъ! сказалъ Лордъ

Ментеитъ въ полголоса,“ пьяница нашъ проснулся.“

—„Вы конечно говорите о дарѣ предвѣщанія, или о deuteroscopia? сказалъ Далжетти;“ я помню, Маіоръ Монро говорилъ мнѣ однажды, что Мурдохъ Маккензи, солдатъ его полка, и по чести! храбрый солдатъ! предсказалъ, что Дональдъ Тугъ, сержантъ его, будетъ убитъ во время вылазки при осадѣ Франкфурта, и что самъ Маіоръ будетъ тамъ раненъ; а это и въ самомъ дѣлѣ такъ случилось!“

—„Я часто слыхалъ о семъ дарѣ предвидѣнія,“ ска-

валъ Андерсонъ; но всегда думалъ, что тѣ, которые выдаютъ себя за такихъ пророковъ должны быть, или фанатики, или обманщики."

— Думаю, что Алланъ Макъ Олай не принадлежитъ ни къ тѣмъ ни къ другимъ," сказалъ Лордъ Ментеитъ, „онъ во многихъ случаяхъ показалъ слишкомъ много тонкости и здраваго разума; (чему вы сами симъ вечеромъ видѣли доказательство), — чтобъ быть сочтену за фанатика; а также онъ слишкомъ честенъ и искрененъ, чтобъ играть роль обманщика."

—„Слѣдовательно вы вѣрите сверхъестественнымъ его вдохновеніямъ?“

—„Совсѣмъ нѣтъ,“ отвѣчалъ молодой Графъ; но думаю, что онъ убѣжденъ внутренно будто бы его предсказанія, происходящія отъ разума и размышленія: суть сверхъестественныя вдохновенія, внушенныя душѣ его, такъ какъ многіе фанатики думаютъ наконецъ, что мечты ихъ собственнаго воображенія, суть вдохновенія божественныя. Впрочемъ, Андерсонъ, я желалъ бы, чтобъ ты удовольствовался симъ изъясненіемъ; потому, что лучшаго не мо-

гу сдѣлать; и думаю, что послѣ такого труднаго путешествія, какое совершили сего дня, мы можемъ лечь спать."

Конецъ первой части.

—„Слѣдовательно вы вѣрите сверхъестественнымъ его вдохновеніямъ?“

—„Совсѣмъ нѣтъ,“ отвѣчалъ молодой Графъ; „но думаю, что онъ убѣжденъ внутренно, будто бы его предсказанія, происходящія отъ разума и размышленія — суть сверхъестественныя вдохновенія, внушенныя душѣ его, такъ какъ многіе фанатики думаютъ; наконецъ, что мечты ихъ собственнаго воображенія, суть вдохновенія божественныя. Впрочемъ, Андерсонъ, я желалъ бы, чтобъ ты удовольствовался симъ изъясненіемъ; потому, что лучшаго не мо-

гу сдѣлать; и думаю, что послѣ такого труднаго путешествія, к а к о е совершили сего дня, мы можемъ лечь спать.“

ГЛАВА VII.

„L'avenir vien toujours précédé de son ombre."

Campbell.

Лордъ Ментеитъ проснулся весьма рано по утру; но нашелъ Капитана давно уже вставшимъ. Онъ сидѣлъ въ углу комнаты и чистилъ все вооруженіе свое лоскуткомъ замши, чтобъ сдѣлать оное свѣтлѣе; напѣвая въ то же время старинную пѣсню, сочиненную въ честь Густава Адольфа:

„Звукъ мѣди раздается
„И воиновъ зоветъ на брань, и проч.

Сказавши нѣсколько словъ Андерсону, Графъ подошелъ къ Даллжештію: „Капитанъ," сказалъ онъ, „пришло время сдѣлаться намъ или товарищами, или разстаться?"

—„Но надѣюсь, что мы прежде позавтракаемъ?" сказалъ Даллжешти.

—„А я думалъ, что вы снабдили крѣпость свою провіантомъ по крайней мѣрѣ на три дни?"

—„О! еще много пустаго мѣста въ магазинахъ, — и я никогда не упускаю случаю ихъ наполнять."

—„Но подумайте также, что благоразумный Генералъ не долженъ терпѣть, чтобъ неутральный корпусъ оставался въ лагерѣ его долѣе назначеннаго времени. И такъ скажите намъ рѣшительно о вашихъ намѣреніяхъ, послѣ чего вы получите или свободный пропускъ, чтобъ спокойно отсюда удалиться, или мы будемъ имѣть удовольствіе видѣть васъ оставшимися здѣсь.“

—„Ваша правда,“ сказалъ Капитанъ, „ваша правда, я не стану медлить капитуляціею, дѣлая видъ будто переговариваюсь, подобно хитрому Сиръ Жамесу Рамзаю при осадѣ Ганау, въ

1636 году. И такъ откровенно признаюсь, что если ваше жалованье покажется мнѣ столь же пристойнымъ, какъ ваша кампанія, и съѣстныя припасы, то я готовъ служить подъ вашими знаменами."

—„Теперь мы въ состояніи назначить вамъ только самую умѣренную плату," сказалъ Лордъ Ментеитъ, „потому, что у насъ нѣтъ другихъ денегъ, кромѣ тѣхъ, которыя пожертвованы каждымъ изъ насъ сообразно съ своимъ достаткомъ. И такъ я не осмѣлюсь, Капитанъ, обѣщать вамъ съ чиномъ Маіора и Адьютанта, болѣе полу-доллара на день."

—„Чортъ возьми половины и четверти!“ вскричалъ Капитанъ: „я не люблю дѣлать никакого дѣла только до половины; и клянусь, что столь же мало расположенъ подѣлиться долларомъ, какъ одна добрая женщина во время суда Соломонова своимъ ребенкомъ!“

—„Сравненіе несправедливо, — Капитанъ; ибо я увѣренъ, что вы захотите лучше раздѣлить долларъ по поламъ съ вашимъ соперникомъ, чѣмъ весь ему отдать. Однако же, такъ какъ вамъ не нравится дѣленіе, то я могу вамъ обѣщать, что другіе полудоллары будутъ накопляться въ вашу поль-

зу и заплатятся вамъ по окончаніи кампаніи."

—„Ахъ! опять отсрочка!" вскричалъ Далжетти. „Въ Испаніи, въ Австріи, въ Швеціи — вездѣ одна пѣсня! все только милъ обѣщанія, а на дѣлѣ ничего. Да здраствуютъ Мейнъ-Геры! Они не Офицеры и не солдаты; но платятъ съ величайтею точностью!.... Однако же за всѣмъ тѣмъ, Милордъ, если бъ я могъ быть точно увѣренъ, что наслѣдственное мое помѣстье Друмтваккетъ, которое по всѣмъ правамъ должно мнѣ принадлежать, находится въ рукахъ какого-нибудь бездѣльника, держащаго сто-

рону Конвента, коего впрочемъ можно будетъ сдѣлать измѣнникомъ, если мы одержимъ побѣду; — я столько люблю это помѣстье, что ни мало не посовѣстился бы совершить кампанію вмѣстѣ съ вами."

—„Позвольте васъ спросить, Капитанъ," сказалъ Сиббальдъ: „не о томъ ли помѣстьѣ говорите вы, которое находится за пять миль къ Югу отъ Абердена, и которое такъ называется?"

—„О томъ самомъ"

—„И такъ я могу васъ увѣдомить, что оное недавно куплено Ильею Страханомъ, самымъ злѣйшимъ бунтовщикомъ, какого толь-

ко можно найти въ арміи круглоголовыхъ.“

—„Песъ проклятый!“ вскричалъ Далжетти съ бѣшенствомъ: „да какъ это чортъ догадалъ его смѣть купить помѣстье, которое болѣе 400 лѣтъ принадлежитъ моей фамиліи! Cynthius aurem vellet, какъ мы говаривали въ Аберденской школѣ: т. е. я за уши вытащу его изъ родительскаго дома.—И такъ, Милордъ, я вамъ тѣломъ и душею, готовъ служить вамъ саблею и ружьемъ своимъ до тѣхъ поръ, пока смерть насъ не разлучитъ, или до окончанія кампаніи, чтобы ни случилось.“

—„А я,“ сказалъ Графъ, „заключу контрактъ нашъ, отсчитавъ вамъ за мѣсяцъ жалованье.“

—„Этаго болѣе, нежели сколько надобно,“ сказалъ Далжетти, взявши однакоже деньги и положивъ ихъ въ карманъ. „Теперь я пойду въ конюшню вычистить тамъ сѣдло свое, латы и оружіе;— посмотрѣть, позавтракалъ ли Густавъ, и увѣдомить его, что мы вступили въ службу.“

—„Вотъ вы и увѣрились теперь въ нашемъ чудакѣ,“ сказалъ Лордъ Ментейтъ Андерсону когда Капитанъ вышелъ: „боюсь только, что онъ мало принесетъ намъ чести!“

—„Такихъ-то людей теперь намъ и надобно,“ отвѣчалъ Андерсонъ. „Безъ нихъ мы не получимъ успѣха въ нашемъ предпріятіи.“

—„Сойдемъ внизъ,“ сказалъ Графъ, „и посмотримъ, не пріѣхали ли къ намъ гости; потому, что въ замкѣ слышанъ шумъ.“

Они нашли Ангура и Аллана въ той самой залѣ, въ которой вчера ужинали. Первый сдѣлалъ Лорду дружеское привѣтствіе; но братъ его, сидя на той же скамьѣ, которую занималъ прошедшимъ вечеромъ, — не обращалъ ни накого вниманія, и хранилъ мрачное безмолвіе. Слуги Графа, пришедшіе съ

нимъ вмѣстѣ, съ почтительностію отошли въ другую сторону залы.

Въ сію минуту вошелъ старый Дональдъ, — и обращаясь къ своему господину, сказалъ ему: — „Кихъ Алистеръ Моръ прислалъ сказать, что онъ непремѣнно къ вечеру будетъ здѣсь.“

—„ А Сколько съ нимъ людей?“

—„ Двадцать пять или тридцать человѣкъ, обыкновенная его свита“

—„ Прикажи наслать свѣжей соломы въ житницѣ.“

Другой слуга вошелъ въ то же мгновеніе и доложилъ, что Сиръ Гекторъ Макъ Леанъ хотѣлъ пріѣ-

хатпь съ многочисленною свитою.

—„ Помѣстите ихъ въ большомъ амбарѣ,“ сказалъ Лордъ: „тэмъ они будутъ подалѣе отъ пивоварни, гдѣ мы помѣстили Макъ Дональдовъ, прибывшихъ сего утра, сіи два колѣна не любятъ другъ друга, и между ими можетъ произойти какая нибудь ссора.“

Тутъ опять возвратился Дональдъ съ весьма угрюмымъ видомъ:—„чортъ возьми, если не всѣ горные жители сюда соберутся!“ сказалъ онъ: „черезъ часъ будетъ здѣсь Еванъ д'у Лохіель со множествомъ народа.“

— „ Въ большой анбаръ, вмѣстѣ съ Макъ Леанами,“ отвѣчалъ начальникъ.

Въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ беспрестанно докладывали о прибытіи великаго множества начальниковъ, съ большимъ или меньшимъ числомъ тѣлохранителей; изъ коихъ самый младшій почелъ бы достоинство свое униженнымъ, если бъ небылъ сопровождаемъ 10ю или 12ю человѣками. Всякой разъ, какъ докладывали о новой толпѣ прибывшихъ, Ангуръ назначалъ мѣсто, куда ихъ помѣстить. таким образомъ хлевъ, конюшня, сѣнной сарай, анбары и житница всѣ заняты были жителями. Но нако-

нецъ прибытіе Макъ Дюгаля Лорна съ шестидесятью человѣками, когда не оставалось болѣе ни одного пустаго мѣста въ домѣ, повергло его въ большое замѣшательство.

—„ Въ житницѣ еще бы помѣстилось сто человѣкъ,“ сказалъ старикъ Дональдъ, „еслибъ только они улеглись вмѣстѣ. Но они заведутъ между собою безконечныя ссоры и можетъ быть дойдетъ дѣло до ножей!“

—„ Что все это значитъ?“ вскричалъ Алланъ поспѣшно — и по обыкновенію своему вдругъ вскочивъ съ мѣста. „ Не уже ли у нынѣшнихъ Монтаньяровъ кровь краснѣе, а тѣло нѣжнѣе, —

нежели какое было у отцевъ ихъ? Разкупорьте бочку водки, — и пусть земля будетъ ихъ постелею, плащи ихъ одѣяломъ, а твердь небесная занавѣсомъ. Если придетъ ихъ еще двѣ тысячи, то и тогда всѣмъ достанетъ мѣста."

—„Алланъ правъ," сказалъ Ангуръ; и подошедши къ Сиръ Милесу Мусграву, онъ сказалъ ему на ухо: „братъ мой часто бываетъ въ помѣшательствѣ; однако же иногда показываетъ болѣе разсудка, нежели каждый изъ насъ! Посмотрите на него теперь!"

—„Такъ," сказалъ Алланъ, вращая изъ стороны въ сторону помѣшанные взо-

ры, „пусть лучше начнутъ такъ, какъ должны кончить. Многіе будутъ лежать сего дня на землѣ, но когда зимній вѣтръ станетъ свирѣпствовать, тогда и они—въ свою очередь — будутъ ею покрыты, — и не почуствуютъ болѣе холоду!"

— „Не говори, братецъ, такимъ образомъ," сказалъ ему Ангуръ: „это предвѣщаетъ нещастье."

—„Какого же щастія ты ожидаешь?" сказалъ Алланъ, котораго глаза, казалось, хотѣли выскочить изъ мѣстъ своихъ, и въ ту же минуту упалъ на руки Ангура и Дональда въ судорожномъ припадкѣ. Его посадили на скамью и лишь только онъ

пришелъ въ себя, то братъ его, знавшій какое впечатлѣніе рѣчи его дѣлали надъ умами Монтаньяровъ, сказалъ ему:— „ради Бога, братецъ! не говори ничего такого, чтобы могло лишить насъ мужества!"

— „ Мнѣ ли лишать васъ мужества?" вскричалъ онъ, опять вскочивъ съ своего мѣста. „Пусть каждый изъ васъ — столь же храбро сражается и покаряется судьбѣ—какъ я. Но что долженствуетъ случиться, то будетъ; — однако же мы услышимъ не одну пѣснь побѣды до того времени, пока не придетъ часъ убійства, — часъ казни!"

— „ Какого убійства! какой казни?“ — вскричали многіе голоса вмѣстѣ; ибо почти всѣ Монтаньяры почитали его имѣющимъ даръ предвидѣнія.

— „ Тише!“ отвѣчалъ Алланъ: „вы слишкомъ скоро это узнаете! ваши вопросы утомляютъ меня“ Потомъ, облокотясь на колѣно, онъ приложилъ руку къ головѣ и погрузился въ глубокую задумчивость.

— „ Позови сюда Аннету Лиль съ арфою,“ сказалъ Ангуръ Дональду: „ а васъ, господа, если домашній завтракъ для васъ не страшенъ, — прошу итти за мною.“

Всѣ гости пошли за нимъ въ сосѣднюю залу, кромѣ Лорда Ментеиша, стоявшаго у окна, — и Аллана, который не перемѣнилъ своего положенія. Нѣсколько минутъ спустя, Аннета Лиль пришла съ своею арфою. Въ самомъ дѣлѣ — она весьма сходствовала, по описанію Графа, — съ прелестною Феею, танцующею на лугу при лунномъ свѣтѣ; небольшой ростъ ея придавалъ ей видъ чрезвычайной молодости; и хотя она имѣла тогда около 18 лѣтъ, но можно бъ подумать, что ей только 14; лице ея, голубыя глаза, руки и ноги совершенно были пропорціональны съ станомъ; бѣ-

локурые волосы, віющіеся въ природныхъ локонахъ, выказывали бѣлизну ея шѣла; веселость и невинность блистали въ чершахъ лица ея и заставляли всякаго ей удивляшься: но независима отъ прелестей своихъ, Аннета, будучи совершенною сиротою, казалась однако же самою веселою и щасшливѣйшею изъ дѣвицъ. И шакъ, да проститъ намъ читашель! если мы и его попросимъ принять въ ней такое же участіе, какое она внушала всякому человѣку, ее видѣвшему. Ни одно твореніе не было столько всѣми вообще любимо,—и среди полу-дикихъ жителей замка, она подоб-

на была — (какъ говорилъ Алланъ, въ то время, когда расположенъ былъ къ духу Поэзіи), лучу солнечному, блистающему на морѣ, покрытомъ облаками. Аннета и другимъ сообщала кроткую веселость, бывшую основаніемъ ея характера.

Милая Аннета, нами описанная, улыбаясь входила въ комнату, когда Лордъ Ментеитъ привѣтствіемъ своимъ произвелъ на щекахъ ея прелестнѣйшій румянецъ.

—„Здраствуйте, Милордъ!" сказала она, подавая ему руку: „вась что-то давно не видно! и я весьма боюсь, что нынѣ вы пріѣхали сюда не съ мирными видами?"

—„ Если пріѣздъ мой долженъ возмутить гдѣ-нибудь спокойствіе," сказалъ Графъ, „то за то здѣсь будетъ царствовать тишина. Братъ мой, Алланъ, имѣетъ нужду въ помощи голоса вашего и арфы."

—„ Онъ имѣетъ право на все, что я могу для него сдѣлать, потому, что принадлежитъ къ числу моихъ избавителей;— и вы также, Милордъ, приняли участіе въ сохраненіи дней моихъ; и потому — я всю жизнь свою должна посвятить тѣмъ, которые спасли ее!"

Сказавъ сіе, Аннета сѣла на скамью въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Аллана и запѣла древнюю Гальскую

пѣсню, которую мы осмѣливаемся представить читателямъ въ переводѣ:

НОЧЬ.

Какой внезапный страхъ
Хладъ въ жилахъ разливаетъ?
Зрю мракъ—тамъ на горахъ—
Все въ трауръ облекаетъ;
Нощь мрачная спѣшитъ—
Одѣянна въ молчанье,—
За нею тьма летитъ—
И ужасовъ собранье.

Тамъ слышу вдалекѣ—
Я крикъ совы могильный,
Разноситъ по рѣкѣ
Въ порывахъ вѣтеръ сильный!
Возстали изъ гробовъ
Призраки страшны—блѣдны,
Чрезъ множество вѣковъ
На стоны осужденны!...

Спѣши прогнать скорѣй
Сей нощи мракъ унылой—

И страхъ мечты разсѣй
Своею, солнце, силой!
Дай нову жизнь полямъ—
Природѣ—оживленье,
Веселіе холмамъ
И сердцу спокоенье!

По мѣрѣ того, какъ Аннета пѣла, Алланъ, казалось, возвращалъ присутствіе ума своего, и обращалъ большее вниманіе на предметы, его окружавшіе. При третьемъ куплетѣ—морщины на лбу его изчезли, и всѣ черты, доселѣ выражавшія, такъ сказать, внутреннее терзаніе, воспріяли натуральный видъ свой. Онъ поднялъ голову, и лице его, все еще выражавшее глубокую меланхолію, не представляло однако же болѣе ничего—ни

дикаго, ни свирѣпаго; не льзя было назвать его красавцемъ, но въ совокупности физіономія его — была важна, исполнена величія, и даже благородства; густые и черныя брови его, доселѣ сблизившіяся, будучи раздѣлены теперь по срединѣ небольшимъ промежуткомъ, покрывали глаза, не выражавшіе болѣе помѣшательства: — взоръ его былъ теперь вмѣстѣ твердъ и споконъ.

— „Благодареніе Богу!" сказалъ онъ послѣ краткаго молчанія, когда Аннета перестала пѣть: „тяжесть, угнѣтавшая душу мою — наконецъ разсѣялась; ту-

манъ, облекавшій умъ мой— изчезъ.“

—„ Братецъ Алланъ,“ сказалъ Лордъ Ментеитъ, подошедши къ нему, „вы должны благодарить Аннету Лиль и небо за сію щастливую перемѣну.“

— „ Благородный другъ мой,“ сказалъ Алланъ, взявши его за руку съ почтительною пріязнію: „вы столь давно знаете нещастное мое положеніе, что я не имѣю нужды извинятся въ томъ, что ранѣе не изъявилъ вамъ удовольствія своего, видя васъ въ нашемъ замкѣ.“

— „ Мы старинные знакомые и друзья Алланъ; и потому не должны наблюдать

между собою церемоній. Но у васъ будетъ сего дня цѣлая половина Шотландскихъ горныхъ начальниковъ: — вы сами знаете, что съ ними не надобно пренебрегать правилами учтивости. И такъ, что вы подарите маленькой Аннетѣ за то, что она привела васъ въ состояніе показаться благопристойнымъ образомъ предъ Лордами Эванъ д'у, Макъ Дюгалемъ и множествомъ другихъ начальниковъ?"

— „Что онъ мнѣ подаритъ?" сказала Аннета улыбаясь: „я думаю самую лучшую ленту, какую только можно будетъ найти на Дунской ярморкѣ."

— „На Дунской ярморкѣ, Аннета?“ сказалъ Алланъ съ съ печальнымъ видомъ: „много прольется крови до того времени — можетъ быть, я до оной и не доживу! Но вы напомнили мнѣ объ одномъ намѣреніи, которое я давно уже имѣю.“

Сказавъ сіе, онъ вышелъ изъ комнаты.

—„Если судить по рѣчамъ его, милая моя Аннета!“ сказалъ Лордъ Ментеитъ: „то я думаю, что вамъ не должно уходить отсюда, — и не худо будетъ, если настроите свою арфу.“

— „А я надѣюсь, что мы не будемъ имѣть въ томъ нужды,“ отвѣчала Аннета голосомъ, показывавшимъ од-

нако же безпокойство: „припадокъ, изъ котораго онъ вышелъ, весьма былъ продолжителенъ, и кажется не льзя думать, чтобъ онъ такъ скоро возобновился. Какъ жаль видѣть человѣка, отъ природы любезнаго и великодушнаго, подверженнымъ такой жестокой болѣзни!“

Она говорила сіе тихимъ голосомъ, опасаясь, чтобъ Алланъ, возвратясь нечаянно, ее не услышалъ, а Лордъ Ментеитъ приближился къ ней и нагнулся, чтобъ лучше слышать. Онъ находился еще въ этомъ положеніи, когда Алланъ показался у дверей — Аннета и Лордъ имѣли смущенный видъ, и

невольно удалились другъ отъ друга на нѣсколько шаговъ, какъ бы опасаясь дать ему подумать, что имѣли между собою тайный разговоръ. Алланъ замѣтилъ ихъ замѣшательство, и вдругъ остановился: онъ нахмурилъ брови — и глаза его заблистали; но сей пароксизмъ не долго продолжался, — онъ закрылъ лице рукою, какъ бы стараясь изгладить слѣды своего смущенія, и подошелъ къ Аннетѣ, держа въ рукѣ маленькой дубовой ларчикъ, коего крышка была весьма искусной наборной работы.

—„Братъ Ментеитъ,“ сказалъ онъ Графу: — „будьте свидѣтелемъ тому, что я

дарю Аннетѣ Лиль этотъ ларчикъ, и все въ немъ заключающееся: тутъ нѣкоторыя бездѣлицы и вещи, принадлежавшія бѣдной моей матери: вы сами знаете, что жена начальника Монтаньяровъ рѣдко имѣетъ у себя дорогія вещи?"

—„Но вещи сіи Алланъ," сказала Аннета съ кротостью и стыдливостью, отдаляя отъ себя ларчикъ:— „принадлежатъ фамиліи; я не могу и не должна. . ."

—„Они принадлежатъ одному мнѣ, Аннета," сказалъ онъ съ гордостью, прервавъ ее: „это подарокъ, сдѣланный мнѣ матерью на смертномъ ея одрѣ. Вещи сіи,— плащь и клайморъ, состав-

ляютъ все мое имѣніе на свѣтѣ. И такъ возмите ихъ; потому, что для меня они никакой не имѣютъ цѣны; — сохраните ихъ изъ любви ко мнѣ, если жребій войны не дозволитъ мнѣ никогда болѣе съ вами видѣться.“

При сихъ словахъ онъ открылъ ларчикъ, и опять подалъ его Аннетѣ. — „Если вещи сіи чего нибудь-стоютъ,“ сказалъ онъ: „то могутъ быть вамъ полезны въ то время, когда замокъ сей разрушенъ будетъ огнемъ и мечемъ, и когда вы не найдете убѣжища; но сохраните одинъ перстень въ воспоминаніе объ Алланѣ, который—если не все то сдѣлалъ, что желалъ, чтобъ

заслужить вашу привязанность, то по крайней мѣрѣ то, что было въ его власти.“

—„Я приму отъ васъ только одно колечко, Алланъ,“ сказала Аннета, тщетно стараясь удержаться отъ слезъ; — „одно колечко—въ знакъ вашей ко мнѣ дружбы. Но не принуждайте меня къ принятію подарка столь большой цѣны; — я не могу на это согласиться, Алланъ, никакъ не могу.“

— „И такъ выберите себѣ сами: вы можетъ быть и хорошо сдѣлали, что не взяли, потому, что остальное превращено будетъ въ

другой видъ, подъ которымъ со временемъ можетъ сдѣлаться вамъ полезнымъ."

— „И не думайте объ этомъ," сказала Аннета, выбравъ изъ ларчика перстень, который казался ей не столь дорогимъ, какъ прочія: „берегите вещи сіи для будущей вашей супруги, или для супруги вашего братца. Но,—ахъ, Боже мой!" вскричала она вдругъ, прервавъ рѣчь свою: „какой это перстень я выбрала?"

Алланъ поспѣшно взглянулъ на оный, и мрачный ужасъ выразился въ глазахъ его: въ семъ перстнѣ на эмали изображена была мертвая голова, помѣщенная на двухъ кинжалахъ, сложен-

ныхъ крестообразно. Лишь только онъ взглянулъ на сіе изображеніе, какъ испустилъ столь жестокое стенаніе, что испуганная Аннета уронила изъ рукъ перстень, который покатился по полу: Лордъ Ментеитъ подняль оный и подалъ ей.

— „Богъ свидѣтель, Милордъ," вскричалъ Алланъ, „что изъ вашихъ, а не изъ моихъ рукъ получила она сей зловѣщій подарокъ. Это траурный перстень, носимый моею матерью, въ память брата ея, злодѣйски умерщвленнаго!"

— „Я не боюсь предвѣщаній," сказала Аннета съ улыбкою на устахъ, между тѣмъ, какъ глаза ея были

орошены слезами. „Ничто, получаемое отъ покровителей, (такъ всегда называла она Аллана и Лорда Меншеита) не можетъ принести нещастья бѣдной сиротѣ.“

При сихъ словахъ, надѣвши перстень на палецъ, она взяла арфу и пропѣла веселымъ голосомъ два слѣдующіе куплета:

Безумецъ только вопрошаетъ
Судьбу у звѣздъ на небесахъ;
Мудрецъ же будущность читаетъ—
Нерея добраго въ глазахъ.

А я — о будущемъ желаю, —
Не знающей остаться въ вѣкъ:
Его жъ кто знаетъ,— увѣряю —
Тотъ жалкій въ свѣтѣ человѣкъ!

—„Она справедливо говоришъ, Алланъ,“ сказалъ Лордъ Ментеитъ, „и сіи куплеты гораздо болѣе стоютъ всего того, что мы выигрываемъ познаніемъ будущаго?“

—„Нѣтъ, несправедливо, Милордъ,“ сказалъ Алланъ съ мрачнымъ видомъ,“—и со временемъ сама это узнаетъ; но вы, Ментеитъ, пренебрегающіе совѣтами, которые я давалъ вамъ нѣсколько разъ, вы сами можетъ быть не доживете, чтобъ быть тому свидѣтелемъ. Не смѣйтесь съ такимъ презрительнымъ видомъ,“ присовокупилъ онъ, „или смѣйтесь какъ можно болѣе, потому что время, когда вовсе не

станете смѣяться, — уже близко!"

—„Мнѣ нѣтъ никакой нужды до вашихъ видѣній, Алланъ. Сколько бы ни кратка была жизнь моя; однако же взоръ Монтаньяра, не взирая на даръ предвидѣнія, не можетъ знать конца оной."

—„Ради Бога!" сказала Аннета, „не противорѣчьте ему: вы знаете его положеніе,—знаете, что онъ не можетъ снести..."

— „Не бойтесь ничего, Аннета," сказалъ Алланъ, „духъ мой спокоенъ и тихъ. Чтожъ до васъ касается, братъ Ментеитъ, то дружба моя всюду васъ искала въ будущности. Я видѣлъ поля сраженій, усѣянныя трупа-

ми, въ столь великомъ множествѣ, какъ листья покрываютъ землю въ лѣсу при концѣ осени; но васъ—тамъ не находилъ. Я видѣлъ толпы плѣнниковъ,—раненыхъ,—обезоруженныхъ, беззащитныхъ, влекомыхъ въ темницы и крѣпости: но васъ — между ими не было. Видѣлъ ненавистныхъ Судей, осуждающихъ на разстрѣляніе нещастныхъ, называемыхъ ими бунтовщиками:—видѣлъ молніи, извергавшія на нихъ огнь смерти; но и тутъ не встрѣчалъ васъ. Видѣлъ другихъ, ведомыхъ на эшафоты; —окровавленная сѣкира ссѣкала поочередно ихъ головы: но опять—васъ я не примѣчалъ между ими."

—„И такъ вѣрно мнѣ умереть на висѣлицѣ," сказалъ Лордъ Ментеитъ: „но признаюсь, желалъ бы избавиться отъ петли, — для чести имени и фамиліи."

Онъ произнесъ слова сіи шутя; но внутренно желалъ однако же получить отвѣтъ, потому что желаніе узнать будущее часто имѣетъ власть даже и надъ такими умами, которые не вѣрятъ возможности подобныхъ предсказаній.

—„Родъ вашей смерти не сдѣлаетъ пятна ни имени вашему, ни фамиліи. Я видѣлъ троекратно одного Монтаньяра, вонзающаго кинжалъ въ грудь вашу."

—„Весьма желалъ бы, чтобъ

вы мнѣ его описали: — я избавилъ бы его отъ труда исполнить ваше пророчество, если только плащь его можно пробить саблею или пулею?"

—„Вы тѣмъ лишь ускорите свою участь; но я не могу сказать вамъ подробностей, вами желаемыхъ, потому что во всѣхъ сихъ видѣніяхъ онъ никогда не былъ обращенъ ко мнѣ лицемъ."

—„Хорошо! оставимъ дѣло сіе въ неизвѣстности, какой предаетъ его ваше предвѣщаніе. Оно не помѣшаетъ намъ весело обѣдать среди Монтаньяровъ, вооруженныхъ кинжалами."

—„Можетъ статься, что вы и хорошо дѣлаете, на-

слаждаясь временемъ, вамъ остающимся; но для меня оно отравлено гибельными предчувствіями. Однакожъ, повторяю вамъ,“ присовокупилъ онъ, положивъ руку на кинжалъ свой: „вотъ орудіе вашей смерти!“

—„Но до того времени вы согнали розы съ лица бѣдной нашей Аннеты: и такъ перемѣнимъ разговоръ, любезный Алланъ, или лучше займемся дѣлами, которыя мы обѣ одинаково понимаемъ, и пойдемъ посмотрѣть наши военныя приготовленія.

Они пошли къ Ангуру, у котораго нашли многихъ начальниковъ Монтаньяровъ, двоихъ Англичанъ и Капитана Далжеттія. Въ послѣ-

довавшемъ разсужденіи о военныхъ мѣрахъ, какія должно было предпринять, Алланъ показалъ такую твердость духа и ясность и определенность мыслей, которыя представили его совсѣмъ въ другомъ видѣ, нежели въ какомъ онъ доселѣ дѣйствовалъ.

Конецъ Первой Части.

